

Библейско-богословская коллекция

Патрологическая серия

Георгиевский В.

**СВ. ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ,
КАК ПАСТЫРЬ И УЧИТЕЛЬ
ЦЕРКВИ**

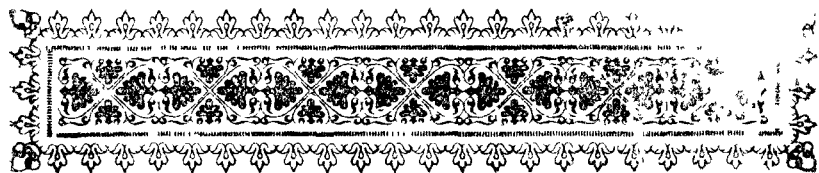
**ПРЕИМУЩЕСТВЕННО
ПО ЕГО ПИСЬМАМ**

Странник, 1896, № 1, с. 3–21; № 2, с. 185–204;
№ 6–7, с. 185–208

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ПАСТЫРЬ И УЧИТЕЛЬ ЦЕРКВИ.

(Преимущественно по его письмамъ).

ВЕЩНОСТЬ св. Василия Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской — одна изъ тѣхъ славныхъ, такъ сказать, центральныхъ личностей древней христіанской Церкви вокругъ которыхъ группировались самыя важныя событія ея исторіи, съ которыми неразрывно связана вся судьба православной вѣры, ея успѣхи, ея торжество надъ многоразличными врагами; а потому его имя живо и твердо хранится въ общецерковномъ сознании будучи всегда памятно, дорого и священно для каждаго истиннаго сына Церкви православной. Еще древняя церковь, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей: свв. Григорія Богослова ¹, Григорія Нисскаго ², Ефремъ Сиринъ ³) и Амфилохія Иконійскаго ⁴), изнесла свой правый судъ заслугамъ этого святителя, великими похвалами улаживая

¹) См. его надгробное слово св. Василию (Твор. ч. IV, стр. 41—113. Москва. 1889 г.) и переписку (ч. VI).

²) См. Слово въ день памяти св. Василия. Твор. ч. VIII стр. 294—325.

³) Похвальн. слово св. Василию. Твор. ч. III, стр. 99—110.

⁴) См. его біографію св. Василия въ Четь-Минеяхъ, хотя подлинность ея оспаривается. Душенов. Чт. 1864 г. I ч., стр. 19. Статія архим. Порфирія: „Жизнь св. Василия Великаго“.

его святую память, а отзывы вселенскихъ соборовъ еще болѣе увеличиваютъ его прославленіе, усвоая ему эпитеты великаго (Халкидонскій*), дивнаго, свѣтила вселенной (второй Константинопольскій), утверждая, что слава его прошла по всей вселенной (Трульскій)¹⁾. И теперь православная церковь глубоко чтитъ св. Василія, называя его своимъ отцомъ и постоянно при богослуженіи вспоминая его имя, какъ великаго вселенскаго святителя и учителя. И это вообще благоговѣніе предъ его именемъ, разумѣется, вполнѣ заслуженное, и если его учено-литературная дѣятельность являетъ намъ образцоваго писателя почти по всемъ отраслямъ богословскаго знанія, то не менѣе замѣчательна и его практическая дѣятельность, какъ пастыря церкви, даже болѣе, можно сказать, что онъ былъ не столько отвлеченнымъ ученымъ—теоретикомъ, сколько прежде всего дѣятельнымъ пастыремъ, или, точнѣе, его ученые труды имѣли почти всегда нравственно-практическое направленіе и были служебнымъ орудіемъ, вспомогательнымъ средствомъ для болѣе успѣшнаго и плодотворнаго прохожденія пастырскаго служенія. „У меня одна цѣль, говорить о себѣ св. Василій,—все обращать въ назиданіе церкви“²⁾. Вслѣдствіе этого, пастырская дѣятельность великаго святителя не можетъ не возбуждать живѣйшаго интереса не только богослова и пастыря, но и каждаго христіанина, принимающаго близко къ сердцу задачи этого высокаго служенія, и конечно, она еще болѣе поучительна для тѣхъ, которые по самому своему воспитанію и общественному положенію призваны къ участію въ его трудахъ. Она то и будетъ предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Мы не беремъ на себя трудной задачи обозрѣть всю пастырскую дѣятельность св. Василія въ цѣломъ ея объемѣ и широтѣ; мы постараемся разсмотрѣть ее лишь со стороны одной изъ трехъ главныхъ обязанностей пастырства,—со стороны такъ называемаго душепопеченія³⁾, подъ которымъ ра-

¹⁾ Душенол. Чт 64 г, I ч., стр. 16.

²⁾ Творенія св. Василя В., ч. I; 7-я бесѣда на Шестодневъ, стр. 132.

³⁾ Извѣстно, что великій Пастыреначальникъ, отправляя на общественное служеніе своихъ учениковъ, этихъ первыхъ пастырей христіанскихъ,

зумѣтся нравственно-педагогическое водительство пасомыхъ ко спасенію, достигаемое частными, а не ви́шне-оффиціальными мѣрами. Эта сторона дѣятельности пастыря не можетъ быть такъ строго опредѣлена и формулирована, какъ прочія ея проявленія: она, можно сказать, не имѣетъ своей точно намѣченной и разграниченной области, а соприкасается со всѣми формами пастырскаго служенія, проникаетъ все его управленія, и есть собственно тотъ духъ, та степень *личнаго* участія, которую употребляетъ пастырь *отъ себя* въ цѣляхъ духовнаго совершенствованія своей паствы—или въ связи съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей своего служенія, или, по своему усмотрѣнію, независимо отъ него. Обязанность эта, несомнѣнно, очень важная по силѣ воспитательнаго воздѣйствія на паству: здѣсь пастырь ближе и непосредственнѣе становится лицомъ къ лицу къ своей паствѣ, раскрываетъ предъ ней свою душу; здѣсь онъ является передъ ней не какъ ученый, не какъ ораторъ, а какъ человѣкъ, наставникъ-руководитель,—вообще, какъ нравственная личность. Но по причинѣ своего интимнаго, сердечнаго характера, эта сторона дѣятельности пастыря всегда остается какъ-бы въ нѣкоторой тѣни для сторонняго наблюдателя-историка сравнительно съ другими проявленіями его дѣятельности (проповѣдь, богослуженіе и проч.). Но къ счастью для сыновъ церкви и въ назиданіе ихъ, отъ св. Василія сохранился до нашего времени одинъ замѣчательный памятникъ его авторской дѣятельности—его многочисленный (336) и столь разнообразный по содержанию письма ¹⁾. Въ этомъ родѣ письменности, по мнѣнію одного анонимнаго писателя о св. Василіи, онъ не имѣетъ соперниковъ между великими писателями IV-го вѣка ²⁾. Въ нихъ излилась вся высокая душа великаго пастыря, все его

сказалъ въ руководствѣ имъ: „Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“ (Мк. 28, 19—20), и тѣмъ начерталъ имъ три главныхъ обязанности: учительства („научите“), священнодѣйствія („крестяще“) и нравственнаго руководства ко спасенію („учаще блюсти“).

¹⁾ См. чч. VI и VII твор. св. Вас. В.

²⁾ Хр. Чт. 1866 г., 1. статья „Письма св. Василія Вел.“ стр. 4.

завѣтныя думы, наблюденія, скорби и радости, какъ онъ самъ говоритъ: „я пишу, чтобы доставить себѣ нѣкоторое утѣшеніе своими воздыханіями, которыя какъ скоро дать имъ свободу, сами собою, обыкновенно, истощаютъ нѣсколько таившуюся въ глубинѣ скорбь“ (п. 233); предъ взоромъ читателя живо возстаетъ во всемъ своемъ величіи нравственный образъ знаменитаго пастыря-воспитателя; въ нихъ, говоритъ біографъ св. Василія—архимандритъ Порфирій, ясно открывается и ревностная заботливость Василія о благѣ всѣхъ переквей, о сохраненіи истинной вѣры и единодушій братій, и глубокая сострадательность къ несчастнымъ, и мудрость въ управленіи дѣлами церкви, и великодушіе при собственныхъ бѣдствіяхъ, и строгость къ наглымъ преступникамъ, а также его нестяжательность, строгое воздержаніе, миролюбивое обращеніе съ своими врагами и пламенность дружбы съ людьми, достойными предпочтенія ¹⁾. И самъ святой авторъ также смотритъ на свои письма, какъ на ясное и наиболѣе выразительное свидѣтельство о своемъ пастырскомъ служеніи, какъ на болѣе вѣрный критерій для сужденія о немъ. „Справедливѣе будетъ судить о дѣлѣ моемъ (т. е. пастырствѣ), пишетъ онъ, не по одному или двоимъ неправо ходящимъ во истинѣ, но по множеству во вселенной епископовъ, по благодати Божіей пребывающихъ въ единеніи со мною... *все они пишутъ ко мнѣ письма и отъ меня также получаютъ*“ (п. 196).

Св. Григорій Богословъ въ характеристикѣ своего друга говоритъ между прочимъ, что онъ былъ для христіанъ іереемъ еще до священства ²⁾. Дѣйствительно, хотя эти слова имѣютъ отношеніе къ тому періоду жизни св. Василія, когда онъ въ званіи чтеца кесарійской церкви входилъ во всѣ отправленія ея жизни, но и вообще вся жизнь его можетъ быть разсматриваема какъ нельзя болѣе удачное, цѣлесообразное приготовленіе къ пастырскому служенію. Самый родъ, изъ котораго онъ происходилъ, отличался благочестіемъ и въ ряду своихъ потомковъ имѣлъ много святыхъ и мучениковъ: раннее дѣт-

¹⁾ Душел. Чт. 1864 г., т. I, стр. 38.

²⁾ Надгробн. слово св. Василію, стр. 33.

ство св. Василія протекло при самыхъ благопріятныхъ для нравственной жизни условіяхъ—подъ благодѣтельными воспитательными вліяніями: вопервыхъ, отца, считавшагося лучшимъ и добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ между современниками, и благочестивой матери Еммилиі, затѣмъ, бабки св. Макрины и, наконецъ, старшей сестры также св. Макрины; такимъ образомъ, съ молокомъ матери, подъ впечатлѣніями первыхъ уроковъ отца и бабки св. Василиій заложилъ въ свою душу тѣ коренныя начала правды и добра, которыя, безъ сомнѣнія, составляютъ главнѣйшее достоинство и украшеніе пастырскаго званія. За домашнимъ воспитаніемъ послѣдовало широкое, многостороннее образованіе въ свѣтскихъ, языческихъ школахъ Каппадокіи, Константинополя и главнымъ образомъ Аѳинъ, гдѣ св. Василиій усердно изучалъ классическую мудрость и достигъ въ ней столь блестящихъ успѣховъ, что по своимъ познаніямъ и вообще по своему умственному развитію не только стоялъ въ уровень съ современнымъ просвѣщеніемъ, но и былъ однимъ изъ лучшихъ, рѣдкихъ его представителей. Такая широта воззрѣній, конечно, была также драгоценнымъ качествомъ св. Василія, какъ пастыря, въ интересахъ апологіи христіанской истины отъ нападеній ученыхъ язычнковъ, съ одной стороны, и въ цѣляхъ духовнаго руководства свѣтски-образованныхъ членовъ церкви, съ другой.—Шумныя Аѳины смѣняются, затѣмъ, тишиною аскетической, монашеской жизни, для изученія которой онъ путешествуетъ по Палестинѣ и Египту, а по возвращеніи оттуда и самъ предпринимаетъ подвиги монашества съ цѣлію воспитанія воли и характера въ добрыхъ навыкахъ (п. 215), а также изученія сокровенныхъ движеній сердца человѣческаго, что, конечно, необходимо для правильного успѣшнаго воздѣйствія пастыря на души своихъ пасомыхъ. Но св. Василиій по наклонностямъ своей природы не былъ монахомъ-анакоретомъ: при своемъ ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ институтомъ, онъ внесъ въ него начало общежитія, полагая, что уединенному отшельничеству не достаетъ простора для христіанской любви ¹⁾). Движимый этою-то самоотверженною любовію, ко-

¹⁾ Простр. правила монаш., отв. 7-й. Твор. ч. 5-я.

торая не ищетъ своего, онъ, хотя и сознавалъ превосходство монашества предъ мірскою жизнью въ дѣлѣ самоусовершенствованія, однако, какъ скоро узнаетъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ своей родной кесарійской церкви, тотчасъ покидаетъ свое уединеніе и является въ ней въ званіи чтеца. Это послѣдняя приготовительная ступень къ пастырскому служенію, къ которой во всемъ своемъ значеніи приложимы вышеприведенныя слова Григорія Богослова; здѣсь уже св. Василій съ строгостію личной жизни соединяетъ и неутомимую энергію въ трудахъ на пользу церкви. То онъ присутствуетъ на Селевкійскомъ соборѣ и ревностно защищаетъ никейскій символъ отъ аріанскихъ искаженій, побуждая къ тому же и своего друга Григорія (п. 7), то ходатайствуетъ за жителей родной Кесаріи, на которую нечестивый Юліанъ наложилъ тяжелую пеню по ненависти къ процвѣтавшему тамъ православію (п. 15), то утѣшаетъ въ несчастіяхъ (п. 5—6) и ободряетъ въ перенесеніи гоненій за вѣру (п. 17—18), не забываетъ, наконецъ, и своихъ братьевъ по духу—монаховъ, сообщая имъ полезныя наставленія (п. 2—8). Онъ не усумнился откровенно и рѣшительно выразить свое несочувствіе епископу Діанію, своему высшему начальнику, подписавшему двусмысленный аріанскій символъ, но, впрочемъ, самъ же спѣшитъ примириться съ нимъ, лишь только тотъ сознался въ своемъ заблужденіи. Къ тому же времени относится и его первый, но тѣмъ не менѣе очень цѣнный опытъ литературной борьбы противъ аріанъ — „нять книгъ противъ Евномія“ ¹⁾. Такимъ образомъ, еще не будучи пастыремъ по сану и положенію, онъ уже нѣсколько являлъ задатки истиннаго, добраго пастыря, который имѣетъ самое живое отношеніе къ своей паствѣ и находится съ нею въ самой тѣсной связи; но во всякомъ случаѣ это было только подготовленіе къ пастырству въ собственномъ смыслѣ, которое начинается съ 364-го года, съ того момента, когда онъ,

¹⁾ Всѣ цитованныя на этой страницѣ сочиненія св. Василія, по общепринятой хронологіи, написаны имъ до принятія пресвитерскаго сана.

посвященный во пресвитера Кесарійской церкви, уже окончательно отождествлялъ свою личную жизнь съ жизнью паствы, чутко прислушиваясь и живо откликаясь на всѣ явленія ея духовно-нравственной жизни, радуясь ея радостями и скорбя ея печалямъ, когда исторія его жизни становится сплошнымъ, непрерывнымъ рядомъ картинъ борьбы вѣчной правды и истины съ ложью и заблужденіемъ, когда онъ буквально осуществляетъ высокій евангельскій образъ добраго пастыря, полагающаго свою душу за паству.

Дѣятельность св. Василія Великаго, какъ пастыря, столь широка, разнообразна и многостороння, что взоръ изслѣдователя невольно теряется и разбрасывается на первыхъ порахъ въ массѣ ея частныхъ, отдѣльныхъ проявленій. По свидѣтельству Григорія Богослова, „много доказательствъ Василіевой заботливости и попечительности о церкви: смѣлость предъ начальниками, какъ и вообще предъ всѣми, такъ и предъ самыми сильными въ городѣ, его рѣшенія распрей, чрезъ употребленіе обратившіяся въ законъ, его представительство за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ, пропитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, чиноположеніе молитвъ, благоуукрашеніе алтаря и многое иное, чѣмъ только воистину Божій человекъ могъ быть полезенъ народу“¹⁾. „Онъ въ одно и тоже время, продолжаетъ тотъ же св. отецъ, примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись, противники воздвигали на насъ брань, одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, иное озражаетъ; для однихъ онъ—твердая стѣна, для другихъ—млатъ, стирающій камень (Пер. 23, 29), и огонь въ терніи (пс. 117,12), удобно истребляющій подобныхъ сухимъ вѣтвямъ и оскорбителей Божества“²⁾.

Тожѣ самое подтверждаетъ въ своихъ письмахъ и самъ св. Василій, котораго разумѣется нельзя упрекнуть въ недостаткѣ

¹⁾ Надгробн. сл., стр. 72. ²⁾ *ibid.*, стр. 71.

скромности или въ самовосхваленіи: „у меня такъ много дѣлъ и такъ они необычайны, что нужно бы было вести ежедневную исторію, которую я и составилъ бы, если бы непрерывность событій не отвлекала мыслей моихъ отъ этого намѣренія“ (п. 229) или: „велико число облегающихъ меня дѣлъ, тысячами заботъ объята у меня мысль, и только кратковременное отдохновеніе могу я улучшить отъ постоянныхъ моихъ недосуговъ“, а въ одномъ мѣстѣ сознается, что онъ сократилъ переписку съ друзьями, не находя для этого достаточно свободнаго времени (п. 20). Не вдаваясь въ подробности, мы представимъ только общій очеркъ этой дѣятельности, причѣмъ намъ представляется удобною слѣдующее подраздѣленіе ея: а) заботы св. Василія о мирѣ и благосостояніи вселенской церкви, б) попеченія о внутреннемъ благоустройствѣ своей Кесарійской церкви и в) сношенія его съ отдѣльными церквами по частнымъ вопросамъ пастырскаго характера.

Кесарійская церковь, на служеніе которой посвятилъ себя св. Василій Великій, была одна изъ самыхъ видныхъ церквей христіанскаго Востока: подъ вѣдѣніемъ представителя ея находилось до 50 хоренископовъ; кромѣ того, онъ былъ митрополитомъ всей Каппадокійской области и, наконецъ, на правахъ экзарха завѣдывалъ церквами всего Понтійскаго діоцеза: Галатіи, Понта, Арменіи, Пафлаганіи и Вифиніи ¹⁾. Какъ по своему выдающемуся положенію среди предстоятелей другихъ восточныхъ церквей, а всего болѣе подвижнымъ духомъ любви, св. Василій, по словамъ Григорія Богослова, „высоко подъявъ главу и озирая окрестъ душевнымъ окомъ, объемлетъ всю вселенную, куда только понеслось спасительное слово. Примѣчая, что великое наслѣдіе Божіе... приведено въ худое положеніе, увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій... онъ не признаетъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, у Него искать прекраще-

¹⁾ Klose. Basilis der Grosse nach seinem Leben und seiner Lehre, s. 169. Stralsund, 1835.

нія одержавшихъ золь, а самому между тѣмъ почивать; напротивъ, онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность и отъ себя привнестъ нѣчто и оказать какую-нибудь помощь... Онъ не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ, заботами извурялъ остатокъ плоти, пока не находилъ уврачеванія злу. Онъ възскуеть Божіей и человѣческой помощи, только бы потушить общій пожаръ и разсѣять облекающую тьму“. 1) Если Восточная церковь въ это время не распалась, разсуждаетъ упомянутый нами нѣмецкій писатель Клозе, опредѣляя значеніе и главную задачу этой дѣятельности св. Василія, то главнымъ образомъ она обязала этимъ св. Василію, который стоялъ, какъ скала на морѣ (какъ онъ самъ замѣчаетъ о себѣ), о которую разбивались всѣ волны морскія, такимъ образомъ защищая лежащую за ней землю. Труды св. Василія на защиту каеолической церкви противъ аріанъ образуютъ самый блестящій пунктъ его жизни; но мы ни коимъ образомъ не имѣемъ права разсматривать ихъ, какъ единственную цѣль его дѣятельности, — его пастырскимъ стремленіемъ было сохранить миръ въ церкви по каждому вопросу и прочно утвердить на завѣщанномъ отцами основаніи зданіе Божіе 1). Чтобы достойно оцѣнить эту дѣятельность св. Василія, нужно бросить хотя бы бѣглый взглядъ на состояніе православія въ современную ему эпоху. Общее сужденіе объ этомъ самого св. Василія, таково, что оно было хуже, чѣмъ состояніе его тѣла, извуреннаго трудами и ослабленнаго многими недугами (п. 30). Въ самомъ дѣлѣ, аріанство, торжественно осужденное на первомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ не только не уничтожилось, но усилилось еще болѣе и не только на Востокѣ, но и на Западѣ. Оно находитъ себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ представителей царской власти: ближайшіе преемники Константина Великаго часто явно становятся на сторону аріанъ—одни по внутреннему сочувствію къ нимъ (Констанцій и Валентъ), а другіе съ намѣреніемъ ослабить христіанство внутренними раздѣленіями (Юліанъ). Благодаря

1) Нѣдр общ. сл.. стр. 78—79.

этому обстоятельству, арианство пустило глубокие корни на Востокъ; арианские епископы стали во главѣ многихъ церквей, а ревнители православія лишались каедръ и отправлялись въ изгнаніе; заручившись столь могущественнымъ, державнымъ покровительствомъ, вожди ереси не стѣснялись прибѣгать къ политическимъ интригамъ, а иногда и прямо къ насильственнымъ мѣрамъ, и тѣмъ, разумѣется, очень затрудняли борьбу съ ними, перенося ее изъ сферы чисто-литературной на политическую арену. Но еще болѣе она затруднялась и ослаблялась внутренними разногласіями среди самихъ православныхъ. Борьба съ такимъ сильнымъ и многочисленнымъ врагомъ, какъ ариане, очевидно, можно было только общими, соединенными для этой цѣли силами; а этого-то столь необходимаго единодушія и не было среди православныхъ. Западная церковь, гдѣ православіе было прочнѣе, прервала почти всякое общеніе съ Восточною, какъ бы совершенно зараженною арианствомъ; равно и на Востокѣ многія церкви по ничтожныхъ поводамъ находились во взаимномъ антагонизмѣ, который въ своихъ цѣляхъ искусно раздували враги православія; всеобщее недовѣріе разрушало братское общеніе церквей: каждый сторонился другого, каждый подозрѣвалъ въ другомъ врага-еретика часто по одному недоразумѣнію, по пустой, голословной клеветѣ, пущенной въ ходъ недоброжелателями церковнаго мира; волки хищные привели въ смятеніе стадо Христово¹... Глубоко возмущалась и тяжело скорбѣла любвеобильная душа великаго пастыря этими бѣдствіями: какою трогательностію, какимъ неподдѣльнымъ лиризмомъ звучатъ его письма по этому поводу! „Какой плачь соотвѣтствуетъ этимъ бѣдствіямъ? Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій?“ восклицалъ онъ въ духѣ древняго пророка Іереміи, рисуя мрачную картину церковныхъ нестроений на Востокѣ (п. 88; тоже въ п. 231, 234—5 и нѣкот. др.). Но что было дѣлать св. Ва-

¹ Подробную и художественную картину этого бѣдственнаго состоянія Восточной ц. см. въ соч. св. Василія „о св. Духѣ“ гл. 30, ч. III, стр. 350—356.

силію? Онъ былъ совершенно одинокъ, даже болѣе, въ средѣ церковной іерархіи было немало лицъ, которыя были не расположены къ нему самому, которыя подозрительно и даже отрицательно смотрѣли на его плодотворную дѣятельность во благо вселенской Церкви. Но ничто небыло въ состояніи отклонить ревностнаго пастыря отъ его великой идеи — отдать всѣ свои силы на защиту дорогой ему вселенской истины, и онъ бодро и неустрашимо вынесъ эту тяжелую борьбу, этотъ подвигъ и подготовилъ полное торжество православія.

Выступая поборникомъ объединенія всѣхъ церквей во имя единой католической истины, св. Василій не закрывалъ глазъ на трудности своей миссіи: онъ зналъ, что при той разобщенности, какая господствовала въ то время на Востоцкѣ, злонамѣренныя враги истины самыя чистыя стремленія, самыя благія начинанія его могли истолковать въ превратномъ смыслѣ; при такомъ настроеніи всякое голословное обвиненіе легко находило себѣ широкое распространеніе, поселяло смуту и подозрѣніе. „Я поставлень у всѣхъ на виду, говорилъ св. Василій, подобно подводнымъ камнямъ, выдающимся изъ моря, на себя принимаю ярость еретическихъ волнъ, и онѣ, разбиваясь о меня, не затопляютъ того, что за мною“ (ц. 195). Все это въ точности оправдалось на самомъ дѣлѣ: самыя первые шаги его дѣятельности были встрѣчены недовѣріемъ, и прошло немало времени, положено было много трудовъ, чтобы разсѣять недоразумѣнія различныхъ лицъ, не понимавшихъ или не хотѣвшихъ понять его намѣреній. Одни осуждали его кажущуюся суровость въ отношеніи къ еретикамъ и грѣшникамъ, другіе, наоборотъ, упрекали его въ излишней слабости къ заблужденіямъ, иные обвиняли его прямо въ ереси, — даже одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ — дядя епископъ Григорій долгое время не имѣлъ съ нимъ общенія. Но, скажемъ словами одного жизнеописателя св. Василія, „онъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ слабодушныхъ личностей, которыя, бывъ поражены какою-либо сильною и внезапною скорбію, впадаютъ въ уныніе и, чувствуя въ себѣ совершенное расслабленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, предаются безутѣшной скорби, не принимая ничего къ освобож-

денію себя отъ непріятнаго положенія. Въ немъ, напротивъ, препятствія и неудачи сильнѣе возбуждали энергію и напрягали дѣятельность душевныхъ силъ къ уничтоженію постигшаго несчастія или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію его вредныхъ послѣдствій“¹. Очень хорошо понимая, что недоброжелатели его прежде всего должны, естественно, тормозить его дѣятельность и парализовать ея успѣхи, св. Василій употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы примириться съ ними: забывая личныя оскорбленія, онъ самъ первымъ въ духѣ христіанской любви и кротости вступаетъ съ ними въ переписку, просить, умоляетъ прекратить тягостное разногласіе указаніемъ того вреда, который оно причиняетъ церквамъ; не зная въ своемъ прошедшемъ ни одного темнаго пятна, онъ не имѣетъ нужды прибѣгать къ хитрости, лести и т. под. недостойнымъ средствамъ для своего оправданія; онъ безбоязненно ставитъ жизнь свою свидѣтелемъ чистоты и истинности своихъ убѣжденій, просить своихъ враговъ фактами провѣрять ихъ сужденія о немъ, а не довѣрять слѣпо и легкомысленно всякому ходячему злонамѣренному слуху, предпринимаетъ даже отдаленныя путешествія, чтобы на мѣстѣ, лицомъ къ лицу съ врагомъ своимъ разсѣять клевету, недовѣріе и основанное на нихъ непріязненное чувство (см. п. 47, 54—55, 67, 121, 195 и др.). И вся эта самозащита растворяется духомъ истинно-христіанскаго смиренія: „не то я говорю, пишетъ Святитель неокесарійцамъ, которые по нѣкоторымъ обстоятельствамъ были особенно возбуждены противъ него, что я безгрѣшенъ, ... ибо знаю себя и не перестаю источать слезы о грѣхахъ моихъ... Но если прегрѣшенія мои удобоисцѣлимы, то почему не повинуетесь учителю церковей, который говоритъ: обличи, запрети, умоли (2 Тим. 4,2)? Если же беззаконіе не исцѣльно, то почему не противостанете мнѣ въ лицо? и почему не избавите церкви отъ вреда, мною причиняемаго“? (п. 196, тоже см. въ п. 199, 200, 202). Вообще, по слову

¹ Архимандр. Агапита „Жизнь св. Василія Великаго, архіеп. Кесарій Каппад. и его пастырская дѣятельность“. Спб., 1873 г. Стр. 133—134.

Григорія Богослова, не хитростію порабощаль онъ, но привлекаль къ себѣ благорасположеніемъ. Не власть употребляль онъ напередъ, но пощадою покоряль власти, и что всего важнѣе, покоряль тѣмъ, что уступали его разуму, признавали добродѣтель его недосягаемою... Такъ добровольно уступали и покорялись, какъ бы ударами грома подклоняемые подъ власть, каждый приносилъ свое извиненіе, и сколько прежде оказываль вражды, столько теперь благорасположенія¹.

Упорядочивъ свои личныя отношенія, св. Василій приступаетъ ко второй части своей задачи — разрушить столь вредную разъединенность восточныхъ церквей, установить между ними тѣсное, прочное взаимообщеніе и единодушную готовность на борібу съ арианствомъ и доказать, такимъ образомъ, недовѣрчивому Западу, что и на Востокѣ не мало людей, которымъ дороги интересы истинной вѣры, которые одушевлены святымъ чувствомъ ревности и живѣйшей преданности къ православію. Прежде всего онъ стремится привлечь къ содѣйствию въ своихъ планахъ представителей важнѣйшихъ церквей на Востокѣ — александрійской и антиохійской, особенно первой, которою управляль въ то время знаменитый, уважаемый не только на Востокѣ, но и на Западѣ за свою неутемимую борібу съ арианствомъ святитель Аѳанасій. Изобразивъ въ письмѣ къ нему бѣдственное состояніе Церкви, св. Василій продолжаетъ, что „на немъ по преимуществу лежитъ нравственная обязанность позаботиться объ ея благоустройствѣ, ибо кто, говоритъ, способнѣе твоего благоразумія сдѣлать это? Кто скорѣе твоего увидитъ, что должно дѣлать?.. Кто искуснѣе приведетъ въ дѣйствіе, что полезно? Кто сострадателнѣе относится къ страждущимъ братьямъ? Кто на всемъ Западѣ уважається болѣе почтенной твоей сѣдины? Оставь міру памятникъ, остойный твоей жизни, достоцнѣйшій отецъ! (п. 62) Мы все увѣрены, что ты спасешь насъ отъ этой страшной непогоды“ (п. 76). И когда эти слова находятъ живой откликъ въ душѣ александрійскаго пастыря:

¹ Надгробное слово, стр. 78.

св. Василій не можетъ скрыть своей великой радости и глубокой благодарности къ виновнику ея (п. 65) и входитъ съ нимъ въ частѣйшія совѣщанія относительно объединенія церквей,—просить его употребить все свое вліяніе и авторитетъ для привлеченія къ этому всѣхъ епископовъ Востока и Запада: „напиши намъ всѣмъ одно посланіе, въ которомъ бы заключался совѣтъ, что намъ дѣлать, ибо такъ хотятъ, чтобы тобою было положено начало сихъ общительныхъ бесѣдъ“ (п. 78, ср. 63, 76).—Другаго важнаго помощника и единомышленника нашель св. Василій въ лицѣ антиохійскаго архіепископа Мелетія. Будучи сердечно преданъ этому ревностному защитнику православія, св. Василій съ истинно-братскою любовью и настойчивостію стремится утвердить не совсѣмъ прочное его положеніе на антиохійской кафедрѣ, заботится объ устроеніи добрыхъ отношеній, порванныхъ по недоразумѣнію¹, между нимъ и мастытымъ александрійскимъ архипастыремъ (п. 62, 63, 65 и 85) и ходатайствуетъ о немъ даже при дворѣ (п. 206). Изъ переписки св. Василія съ Мелетіемъ видно, что онъ высоко цѣнилъ антиохійскаго собрата въ дѣлѣ соединенія восточныхъ церквей для борьбы съ арианствомъ: онъ называетъ послѣдняго епископомъ, которому преимущественно принадлежитъ попеченіе о Церкви (п. 151), во всѣхъ сношеніяхъ съ западными епископами считаетъ необходимыми его участіе и совѣты (п. 64, 85, 115 и 124).—Былъ и еще у св. Василія весьма важный помощникъ и другъ, который раздѣлялъ съ нимъ тяжелое бремя заботъ и трудовъ въ его великомъ предпріятіи,—это Евсевій, епискомъ Самосатскій; письма къ нему св. Василія, въ которыхъ онъ знакомитъ его съ состояніемъ церковныхъ дѣлъ, носятъ печать сердечной теплоты и задушевности,—видно, что оба святителя были связаны узами самой тѣсной дружбы. „Ради нужныхъ дѣлъ, пи-

¹ Мелетій былъ поставленъ на кафедру стараніями арианъ, но первою же проповѣдію блестящимъ образомъ разрушилъ всѣ возлагавшіяся на него ихъ надежды, показавъ себя послѣдователемъ строгаго православія; но тѣмъ не менѣе его прежнее общеніе съ аріанами поселило недовѣріе и подозрѣніе къ нему между многими православными, въ томъ числѣ и въ св. Аванасіи.

шесть, напрімѣръ, къ нему св. Василій, надобно было сойтись вмѣстѣ съ твоимъ благочестіемъ и о многомъ сообщить тебѣ, а многому у тебя научиться. Ибо здѣсь нельзя найти истинной любви. А когда бы и нашель кто человекъ весьма любящаго, то нѣтъ никого, кто бы подобно твоему совершенному благоразумію и той опытности, какую собралъ ты въ продолженіе многихъ трудовъ, подъятыхъ для церквей, могъ подать мнѣ совѣтъ въ подлежащихъ дѣлахъ“ (п. 133, ср. 30, 44, 133, 190 и др.). Наконецъ, должно еще упомянуть объ Амфилохіи Иконійскомъ, въ дружескомъ общеніи съ которымъ св. Василій находилъ утѣшеніе и укрѣпленіе въ трудахъ своихъ (193 и 224); будучи старше Амфилохіа лѣтами и жизненнымъ опытомъ, онъ относился къ нему съ отеческою нѣжностію: заботливо разрѣшалъ его недоумѣнія въ области вѣры (п. 224—228) и церковныхъ каноновъ (п. 180, 191 и 209), посвящалъ его въ смыслъ и значеніе важнѣйшихъ событій, волновавшихъ Церковь (210, 223), давалъ словесное оружіе для борьбы съ еретиками ¹ и вообще настолько цѣнилъ его ревность о православной вѣрѣ, что, въ случаѣ своей смерти, смѣло поручалъ ему свою вдовствующую епархію, видя въ немъ самага достойнаго преемника и продолжателя своего дѣла (п. 192).

Собравъ вокругъ себя столь славныхъ и по общественному положенію и по неутомимой энергіи въ защитѣ православія союзниковъ, св. Василій уже легко могъ привлечь къ участию въ своемъ дѣлѣ предстоятелей другихъ церквей: живо и картинно рисуеть онъ предъ ними бѣдственное положеніе Церкви, волнуемой ересями и безсильной бороться съ ними, вслѣдствіе разрозненности и разобщенности ея силъ, вслѣдствіе царящихъ въ ней раздоровъ и несогласій. Если мы не вступимъ, говорить, напрімѣръ, онъ въ письмѣ къ одному епископу, за церкви въ борьбу равносильную той, какую ведутъ противящіеся здравому ученію,.... то ничто не воспрепятствуетъ какъ погибнуть истинѣ, такъ и намъ принять на

¹ Благодаря св. Амфилохію появилась кн. св. Василія „о св. Духѣ“ „СТРАННИКЪ“, № 1. 1896.

себя часть осужденія за то, что не показали мы возможной попечительности о соединеніи церквей со всею рачительностію и ревностію въ единомысліи другъ съ другомъ и въ единодушїи къ Богу (п. 61, ср. 183, 195, 197, 256 и др.). Съ особенной настойчивостію старается св. Василиій напечатлѣть въ сознаніи всѣхъ мысль о единствѣ Церкви, о томъ, что каждый христіанинъ есть живой и неотдѣлимый членъ единого тѣла Христова, возводитъ взоры всѣхъ къ образу древней Церкви, когда духъ любви и единенія дѣйствительно связывалъ всѣхъ въ едино тѣло, единъ духъ (Ефес. 4, 4), когда на самомъ дѣлѣ сыны Церкви отъ одного конца вселенной до другаго видѣли другъ въ другѣ отцевъ и братьевъ во Христѣ (п. 183). Еще яснѣе выражаетъ онъ эту мысль приморскимъ епископамъ, которые, живя въ отдаленіи отъ театра главныхъ церковныхъ событій, не хотѣли принимать въ нихъ участія. „Не предавайтесь такой мысли, пишетъ имъ св. Василиій, что живя въ странѣ приморской, мы не участвуемъ въ бѣдствіяхъ, какія постигаютъ многихъ и не имѣемъ нужды въ помощи другихъ; поэтому какая намъ надобность въ общеніи съ другими? Господь хотя отдѣлилъ острова моремъ отъ твердой земли, однакоже островитянъ съ жителями твердой земли связалъ любовью... У насъ единъ Господь, едина вѣра и тоже упованіе (Ефес. 4, 5). Если почитаете себя главою католической Церкви, то глава не можетъ сказать ногамъ: не имѣю въ васъ нужды. А если ставите себя въ другомъ званіи членовъ церковныхъ, опять не можете сказать поставленнымъ съ вами въ томъ же тѣлѣ: не имѣемъ въ васъ нужды“ и т. д. (п. 195).

По мѣрѣ того, какъ стараніями св. Василия и его друзей совершилось дѣло объединенія восточныхъ церквей для борьбы съ общимъ врагомъ, онъ стремился завязать дѣятельное сношеніе съ западными епископами съ цѣлію разсѣять утвердившееся между ними недовѣрчивое отношеніе къ Востоку, разрушить эту стѣну, препятствовавшую братскому общенію любви между этими двумя половинами вселенской Церкви и затемнявшую для Запада истинное положеніе дѣлъ на Востокѣ. Мысль о соединеніи съ Западомъ давно была завѣтнымъ же-

ланіемъ св. Василія (п. 66): онъ еще пресвитеромъ участвовалъ, по всей вѣроятности, на соборѣ Тіанскомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ Кессарійскій епископъ Евсевій ¹⁾. Сдѣлавшись епископомъ и ближе ознакомившись съ состояніемъ Восточной Церкви, св. Василій еще болѣе ощутилъ важное значеніе этихъ сношеній съ Западомъ. „Знаю, пишетъ онъ св. Аванасію, что къ пособію нашимъ церквамъ одно средство—единодушіе съ нами западныхъ епископовъ, ибо если бы они захотѣли оказать въ пользу нашей области такую же ревность, какую употребили по дѣлу одного или двухъ, уличенныхъ въ зловѣрїи на Западѣ, то, можетъ быть, произошла общая польза для Церкви, потому что и державствующіе уважаютъ, что признано достовѣрнымъ многими, а народъ вездѣ слѣдуетъ имъ безпрекословно“ (62). Въ этой мысли онъ отправляетъ посланіе къ папѣ Дамасу, въ которомъ яркими красками рисуетъ мрачную картину бѣдствій Восточной Церкви и на него возлагаетъ единственную надежду водворенія церковнаго мира и порядка: онъ проситъ прислать на Востокъ депутатовъ отъ Римской церкви, которые сблизили бы ставшія далеко между собою церкви Божїи, опредѣлили бы и выяснили ихъ взаимныя отношенія (п. 66). Но Западъ, въ лицѣ своего представителя папы Дамаса, холодно отнесся къ нуждамъ и интересамъ Восточной церкви; св. Василій съ горечью и скорбію сердечной упоминаетъ о чловѣкѣ гордомъ, заносчивомъ, посаженномъ высоко и потому неспособномъ слышать, когда ему говорятъ люди низкіе, ... у которыхъ нравъ далекъ отъ подлаго ласкательства (п. 207). Въ виду этого, ревностный святитель избралъ другой способъ привлеченія западныхъ епископовъ: минуя Дамаса, онъ и отъ себя, и отъ лица многихъ восточныхъ предстоятелей церкви пишетъ *ко всѣмъ* епископамъ Запада, гдѣ еще подробнѣе, еще рельефнѣе изображаетъ всѣ бѣдствія Церкви, раздираемой еретиками и внутренними несогласіями и видитъ единственное ея исцѣленіе отъ нихъ во взаимообщеніи и взаимопомощи церквей; посла-

¹ См. біографію св. Василія Великаго, помѣщенную въ началѣ I-й ч. его твореній, стр. 42.

нія эти (п. 86—88) весьма замѣчательны по глубинѣ и силѣ чувства,—это скорбный вопль наболѣвшей души, истерзанной гибельными проявленіями церковныхъ нестроеній, невзгоды Церкви такъ глубоко волновали и возмущали чуткую и впечатлительную душу любвеобильнаго пастыря, что его мысль о нихъ возвышается до паэоса, до художественнаго лиризма; мы затрудняемся даже привести болѣе характерный отрывокъ изъ этихъ посланій въ подтвержденіе своихъ словъ: такъ хороши они всѣ отъ начала до конца ¹⁾! Но, къ сожаленію, и это столь трогательное обращеніе св. Василія къ западнымъ епископамъ не имѣло тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ него; только въ св. Амвросіи Медиоланскомъ онъ встрѣтилъ достойнаго соучастника скорбей своихъ, раздѣлявшаго его чувства и принявшаго на себя часть заботъ о благоустроеніи Вселенской Церкви (п. 189). Вслѣдствіе этого, св. Василій въ письмѣ къ своему другу Евсевию Самосадскому снова жалуется на невнимательность западныхъ къ состоянію Восточной Церкви и возлагаетъ, при такихъ обстоятельствахъ, единственную свою надежду только на Бога (п. 231). Но полная беззащитность и нестроеніе Церкви побудили любящее сердце св. Василія еще обратиться на западъ съ мольбою о помощи не менѣе трогательною и сильною по чувству, чѣмъ и прежде (п. 234—235), и въ настоящій разъ она имѣла утѣшительныя послѣдствія для Церкви: по крайней мѣрѣ, такъ можно думать на основаніи писемъ 245—247, гдѣ онъ измѣняетъ въ благопріятную сторону свое сужденіе о западныхъ епископахъ. Такъ ревностная настойчивость любвеобильнаго пастыря побѣдила холодный индифферентизмъ и недовѣріе запада и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, не смотря на первыя неудачи, къ великому утѣшенію православной Церкви и къ неописанной радости

¹ Вотъ, на примѣръ, нѣсколько словъ: „догматы благочестія извращены, уставы церкви нарушены... вѣра сомнительна, невѣдѣніе проливается въ души... Молчать уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ; святое осквернено, здравомыслящіе въ народѣ бѣгутъ отъ молитвенныхъ домовъ, какъ отъ училищъ нечестія“ и т. д. и т. д. (изъ п. 88).

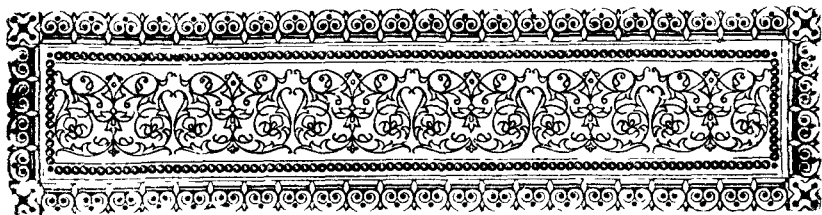
самоотверженно преданнаго ей Кесарійскаго пастыря! Обзирая еще разъ разсмотрѣнную нами дѣятельность св. Василія Великаго, въ заключительной характеристикѣ ея мы снова воспользуемся словами св. Григорія Богослова, который такъ выразительно отзывается объ ней: „къ однимъ онъ (св. Василій) идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрещаетъ (2 Тим. 4, 2), угрожаетъ, укоряетъ, ... придумываетъ всѣ роды спасенія, всѣмъ врачуетъ“¹).

В. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Надгробн. сл., стр. 80.

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ПАСТЫРЬ И УЧИТЕЛЬ ЦЕРКВИ.

(Преимущественно по его письмамъ) ¹.

ОДНОВРЕМЕННО съ дѣятельными заботами объ объединеніи церквей въ духѣ любви и единодушія для борьбы съ общимъ врагомъ, св. Василій не переставалъ вести и словесную борьбу съ аріанствомъ. „Углубившись, по словамъ Григорія Богослова, въ себя самого и затворившись съ Духомъ, онъ напрягаетъ всѣ силы человѣческаго разума, перечитываетъ всѣ глубины Писанія, и ученіе благочестія предастъ письмени; дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и прецирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость, и тѣхъ, которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ устъ, а тѣхъ, которые находились въ дали, поражаетъ стрѣлами письменъ“ (Надгр. Сл., стр. 79—80). Еще въ качествѣ чтеца Кесарійской церкви св. Василій сильно отражалъ нападенія еретиковъ; онъ самъ въ послѣдствіи указывалъ на эти пренія, какъ на дока-

¹ Продолженіе. См. январ. кн. «Странника». «Странникъ», № 2. 1896.

зательство своей неизмѣнной вѣрности православію (п. 215); объ этомъ можно судить также на основаніи его наставленія кесарійскимъ монахамъ (п. 8). Еще болѣе ревностнымъ защитникомъ православія отъ еретиковъ является онъ во время пресвитерства, ко времени собора въ Лампсакѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ. „Не о вѣрѣ ли у насъ была рѣчь, когда намѣревались ѣхать въ Лампсакъ со многими епископами? Не разсуждалъ ли я въ то время противъ ереси!“.. (п. 215). Памятникомъ этой литературной борьбы св. Василія является сочиненіе „пять книгъ противъ Евномія“, написаніе котораго относится къ самому началу его пресвитерства или нѣсколько ранѣе¹, гдѣ онъ силою своего остраго ума опровергаетъ всѣ хитросплетенія еретиковъ и является строгимъ судіею—обличителемъ всѣхъ еретическихъ заблужденій. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уклоненія касались не важныхъ, не существенныхъ пунктовъ православнаго ученія или, тѣмъ болѣе, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ робкими колебаніями немощной совѣсти, тамъ св. Василій являлся полнымъ христіанской любви и снисхожденія пастыремъ—исцѣлителемъ, который нѣжнымъ, осторожнымъ прикосновеніемъ къ духовнымъ язвамъ больнаго врачуетъ его недуги. Свой взглядъ на этотъ предметъ высказываетъ св. Василій въ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ въ руководство тарсійскимъ пресвитерамъ: „Блаженіе будетъ,... если согласимся снизить къ немощнымъ въ томъ, что не повредитъ нашимъ душамъ... Ограничьте хулящихъ, сколько можно вамъ, меньшимъ числомъ... Мы ничего больше не требуемъ, а предлагаемъ только желающимъ единенія съ нами никейскую вѣру и еще—не именовать Духа Святаго тварію... Я увѣренъ, что по долговременномъ общеніи съ нами и по непрекословномъ упражненіи въ догматахъ вѣры, если бы и потребовалось что присовокупить для большей ясности, дастъ сіе Господь, вся споспѣшествующій во благое любящимъ Его“ (Римл. 8, 28) (п. 109). И онъ самъ показалъ примѣръ мудраго примѣненія этого правила:

¹ См. біограф. св. Василія въ I ч. его твор., стр. 27, примѣч.

желая привлечь въ лоно Православной Церкви полуаріанъ, онъ (въ проповѣди на праздникъ св. Евсихіа) требовалъ отъ нихъ только здраваго ученія о Св. Духѣ, хотя и безъ наименованія Его столь смущавшимъ ихъ именемъ „Богъ“¹, равно какъ снисходилъ и къ немощи тѣхъ, которые соблазнялись словомъ „единосущный“, хотя и не исповѣдывали истинное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Богу Отцу (п. 48). Но это, разумѣется, не было какимъ-либо недостойнымъ компромиссомъ, вреднымъ для чистоты истины, какъ подумали нѣкоторые не въ мѣру ревностные, но вовсе не разсудительные защитники православія; въ своихъ письмахъ по этому поводу св. Василій неопровержимо слагаетъ съ себя это обвиненіе изложеніемъ своего ученія и указаніемъ на предстоящее ему изгнаніе за твердость въ православіи (п. 48 и 67),—это была лишь мудрая пастырская осторожность и полная любви христіанская снисходительность къ людямъ хотя и право мыслящимъ, но не разсмотрѣвшимъ со всею ясностію своихъ убѣжденій и потому боязливо сторонившимся всякаго новаго слова, хотя бы даже и выражавшаго ихъ же собственныя понятія. Тамъ же, гдѣ, дѣйствительно, страдала истина, св. Василій превращался изъ кроткаго, мягкаго, любвеобильнаго наставника въ грознаго пророка — обличителя: не смотря на все желаніе свое примириться съ неокесарійцами, онъ смѣло и рѣшительно изрекаетъ свое осужденіе ихъ еретическихъ заблужденій (п. 202). Еще характернѣе въ этомъ отношеніи столкновеніе его съ Евстафіемъ, епископомъ Севастійскимъ. Мы не будемъ излагать въ подробности этого дѣла, которое служить содержаніемъ довольно большаго числа писемъ св. Василия (95, 114, 120, 123, 125—6, 215—18, 236 и др.); для насъ важна его общая картина и конечные результаты. Самая тѣсная, самая нѣжная дружба связывала св. Василия съ Евстафіемъ: онъ долго не вѣрять измѣнѣ своего вѣроломнаго друга, но когда убѣж-

¹ Твор. Григорія Богослова, ч. VI; письмо 41, къ Василю Великому, стр. 130—132; ер. Надгробн. сл., стр. 102—103.

дается воочію, неопровержимыми доказательствами въ горькой истинѣ, то хотя съ тяжелымъ прискорбіемъ, съ болью на сердцѣ, однако ни мало не колеблется подвергнуть его осужденію, и когда Евсевій Самосатскій хотѣлъ снова примирить его съ Евстафіемъ, то онъ рѣшительно и неуклонно заявилъ, что для него истина дороже всякихъ личныхъ отношеній и привязанностей ¹.—Наконецъ, свидѣтельствомъ противоярианской литературной борьбы св. Василія служить его книга „О св. Духѣ“, которую онъ написалъ по совѣту Амфилохія Иконійскаго, дабы заградить уста обвинявшимъ его въ неправославіи.

Ревностныя заботы св. Василія о чистотѣ вселенской истины въ борьбѣ съ многочисленными ея врагами вовлекали иногда его въ сношенія съ представителями гражданской власти. Многіе весьма важные сановники питали глубокое уваженіе къ доблестному Кесарійскому пастырю и считали за честь своимъ ходатайствомъ предъ императоромъ содѣйствовать осуществленію его плановъ и намѣреній; такъ что въ нихъ прежде всего ищеть поддержки своему дѣлу св. Василій (п. 64). Но время было въ высшей степени неблагопріятное для православія: слабый и безхарактерный, но жестокий императоръ Валентъ былъ окончательно увлеченъ въ сѣти арианства ²; поэтому св. Василію отвѣчали, что не только не возможно улучшить положеніе православія, но уже хорошо и то, что нѣтъ ничего худшаго (ibid). Тогда онъ избираетъ другой путь: онъ думаетъ найти себѣ помощника въ западномъ императорѣ Валентиніанѣ, вполнѣ православномъ, а потому просить епископовъ Запада раскрыть предъ нимъ всю мрачную картину бѣдственнаго состоянія Восточной Церкви и просить его оказать въ этомъ смыслѣ свое вліяніе на Валента

¹ „Если онъ пришлетъ прямые отвѣты на предложенные вопросы о Св. Духѣ, нишетъ св. Василій, то я виноватъ во всемъ,... если же этого не будетъ, то прости мнѣ, боголюбивѣйшій отецъ, я не могу лицемѣрно приступать къ жертвеннику Божию“ (п. 128).

² Картиныя описаніе пригѣсненій православныхъ отъ арианъ во главѣ св. императоромъ см. у Григ. Бог. Надгр. сл. св. Вас., стр. 81—83.

(пп. 62 и 235). Но и эта попытка св. Василия не увѣнчалась успѣхомъ. Напротивъ, его вскорѣ ожидало прямо враждебное столкновение съ префектомъ Валента Модестомъ и съ самимъ императоромъ; и здѣсь его непоколебимая твердость и самоотверженная преданность истинѣ пробудили даже во врагахъ чувство удивленія и уваженія къ нему. Событіе это подробно передаетъ св. Григорій Богословъ. Аріанствующій императоръ, раздраженный стойкію Кесарійскаго архіепископа, который не только не склонялся къ аріанству, но и велъ съ нимъ постоянную и упорную борьбу, рѣшилъ, наконецъ, употребить всю силу своей власти, чтобы поколебать или сломить его непреклонность; но, говоря словами Григорія Богослова, повелитель многихъ народовъ, удостоенный великой славы, покорившій всѣхъ окрестъ себя, въ державѣ нечестія ниспровергнувшій всѣ преграды, оказался побѣжденнымъ отъ единого человѣка (Надгр. сл. св. Василию, стр. 80—81). Послѣ долгихъ, но безуспѣшныхъ попытокъ склонить на свою сторону св. Василия, императоръ отправилъ къ нему самаго надежнаго человѣка—упомянутаго нами Модеста, до мозга костей преданнаго аріанству и своему повелителю. Грозно приступилъ онъ къ святителю съ вопросомъ, почему онъ столь упоренъ, что не хочетъ стать на сторону императора въ вѣрѣ; но послѣдній спокойно отвѣчалъ, что его царь не позволяетъ ему сдѣлать этого, а что касается общенія съ императоромъ, то для него оно нисколько не выше общенія съ каждымъ человѣкомъ, ибо христіанство опредѣляетъ достоинства людей не внѣшнимъ положеніемъ, а вѣрою. Когда же приведенный въ ярость этимъ отвѣтомъ префектъ сталъ угрожать ему лишеніемъ имущества, изгнаніемъ, истязаніями и даже смертію, то неустрашимый святитель возразилъ, что ни одна изъ этихъ угрозъ не страшитъ его: имущество его составляетъ бѣдное власяное рубище и нѣсколько книгъ, изнанія онъ не понимаетъ, ибо вездѣ мѣсто Божіе, въ истязаніяхъ же для его болѣзненнаго, слабago тѣла будетъ чувствителенъ развѣ только первый ударъ, а смерть—даже благодѣяніе для него: она скорѣе соединитъ его съ Тѣмъ, къ Кому онъ давно стремится. Префектъ былъ пораженъ такимъ вели-

чиѣмъ духа: „съ такою свободою никто еще не говорилъ со мною“, замѣтилъ онъ; но смиренный святитель отвѣчалъ, что, видно, онъ не встрѣчался ни съ однимъ епископомъ, ибо каждый изъ нихъ, скромный и смиренный во всемъ, когда дѣло касается Бога, способенъ не только презрѣть, но даже почестъ за наслажденіе и огонь, и мечъ, и дикихъ звѣрей. (Тамъ же, 83—85). „Замѣчательно это столкновеніе двухъ личностей,—говоритъ по этому поводу высокопр. Антоній,—изъ которыхъ одна является представителемъ силы власти земной, держащей въ рукахъ свои дары земного счастья и щедро награждающей ими лстивыхъ его поклонниковъ, а другая представителемъ независимости духа, для котораго всѣ земныя блага—паутинная ткань, тѣнь и сонное мечтаніе, и самая жизнь земная — мѣсто странствія и перехода къ отечеству небесному. Одинъ запасается самымъ сильнымъ, по его мнѣнію, оружіемъ: обѣщаетъ награды, угрожаетъ и т. под., а другой въ этомъ оружіи видитъ только мыльные пузыри, и аргументы противника находитъ напраснымъ біеніемъ воздуха. Оттого первый волнуется, сердится, раздражается, потому что ему приходится сознать свое обидное безсиліе, а другой сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе. Мелочность интересовъ префекта въ сравненіи съ высокими идеями св. Василія ставитъ его по отношенію къ послѣднему въ роль безсильнаго, но капризнаго ребенка, желающаго заставить поступать по своему серьезнаго взрослога человѣка“¹.— „Побѣждены мы, царь, передавалъ потомъ Валенту свои впечатлѣнія и результаты своей миссіи Модестъ:—это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій“. Еще болѣе безуспѣшны были старанія другихъ придворныхъ (въ томъ числѣ нѣкоего Демосеена, котораго св. Василій называлъ безграмотнымъ) поколебать рѣшительнаго и стойкаго Кесарійскаго пастыря. Тогда Валентъ рѣшилъ лично воздѣйствовать на него и съ этою цѣлію въ день Богоявленія самъ явился въ храмъ; но стройное, мелодичное пѣніе, „ангельское

¹ См. его статью. „Св. Василій Великій—его жизнь и проповѣднич. труды“. Правосл. Собес., 1873 г., 1 ч., стр. 397—8.

благолѣпіе церковной обстановки, море народа, объятаго и какъ бы застывшаго въ одномъ чувствѣ религіознаго, благоговѣйнаго восторга, наконецъ, видъ самого святителя, не восклонявшагося ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию, но какъ бы пригвожденнаго къ Богу и престолу—все это такъ сильно подѣйствовало на императора, что онъ окончательно растерялся, смутился и упалъ бы, если бы его не поддержалъ одинъ изъ священнослужителей. Къ этому присоединилось то, что никто изъ пресвитеровъ не хотѣлъ принимать отъ него даровъ безъ согласія архипастыря. Крайне смущенный императоръ удалился, отложивъ бесѣду съ св. Василиемъ до другого раза¹. По справедливому замѣчанію архим. Порфирія, это былъ такой подвигъ вѣры, для котораго у другихъ, облеченныхъ даже гражданскою властію, не доставало силы воли и непреклоннаго дерзновенія². Насколько широко распространилось повсюду это сказаніе о доблестномъ подвигѣ св. Василія—видно изъ слѣдующихъ словъ св. Григорія Нискаго: „Кто изъ обитателей Востока и изъ населяющихъ самые края нашей вселенной не зналъ борьбы св. Василія съ преобладающими?“ (Прот. Ев., кн. I). И впослѣдствіи не разъ еще приходилось св. Василию противопоставлять свою энергію волѣ императора, руководимаго аріанами, приходилось не разъ защищать чистоту и неприкосновенность православной вѣры отъ незаконнаго, насильственнаго вторженія свѣтской, гражданской власти. Не мало, на примѣръ, причинилъ ему безпокойства уже упомянутый нами ревностный, хотя и совершенно невѣжественный почитатель аріанства Демосеенъ, котораго въ своей перепискѣ св. Василій называетъ первымъ зломъ (пп. 217 и 229). Но твердо и неизбежно стояла православная вѣра подъ охраною такого самоотверженнаго пастыря, какъ св. Василій Великій, и, хотя ему не пришлось видѣть всѣхъ плодовъ своей пастырской дѣятельности и насладиться полнымъ торжествомъ православія на второмъ Все-

¹ Григ. Богосл. указ. соч., стр. 80—88; Ср. Григ. Нис., ч. VIII, стр. 303, 309—10; Ефр. Сир., ч. III, стр. 106—108.—² Душенов. Чт. 64 г., I, стр. 127.

ленскомъ соборѣ, но, покидая этотъ бранный міръ, онъ ясно видѣлъ и съ радостію душевною прѣвѣтствовалъ несомнѣнные признаки восходящей зари новой эры для православія, наступившей со смертію императора Валента.

Какъ ни разнообразны, какъ ни многочисленны были заботы св. Василія о вселенской Церкви, однако онѣ не поглощали его духа настолько, чтобы это было въ ущербъ для его собственной, родной Кесарійской церкви, — нѣтъ, онъ имѣлъ поистинѣ удивительную способность соединить весь этотъ столь широкій кругъ своихъ обязанностей въ такое гармоническое сочетаніе, что, отдаваясь однимъ, онъ не забывалъ и о другихъ; а потому и въ отношеніи къ Кесарійской церкви онъ является тѣмъ же неутомимо-ревностнымъ, самоотверженнымъ пастыремъ, готовымъ быть „всѣмъ вся“, какимъ мы его видѣли въ попеченіяхъ о Церкви вселенской. Еще будучи въ санѣ пресвитера, онъ уже дѣятельно входилъ во всѣ отправления церковной жизни Кесаріи, являясь правою рукою и ближайшимъ совѣтникомъ своего не вполне опытнаго въ управленіи епископа Евсевія, такъ что, по словамъ св. Григорія Назіанзина, одинъ управлялъ народомъ, а другой — управляющимъ (Указ. соч. стр. 72). И здѣсь, какъ и вездѣ, духъ мира и любви былъ самымъ отличительнымъ признакомъ, характеризующимъ его дѣятельность. Когда епископъ Евсевій, замѣчая въ паствѣ всеобщее уваженіе къ своему пресвитеру едва ли не большее, чѣмъ къ нему самому, по выраженію Григорія Богослова, подвергся человѣческой немощи въ отношеніи къ нему — сталъ питать чувство зависти и недоброжелательства, и въ паствѣ уже стало замѣтно волненіе за горячо любимаго пресвитера, то св. Василій, кроткій и незлобивый, зная, какъ губительно отзовется на нравственности пасомыхъ могущая произойти отсюда распря и цѣня ихъ духовное благосостояніе выше, нежели чувство личнаго оскорбленія, спокойно удалился въ пустыню и здѣсь въ дружбѣ съ св. Григоріемъ и въ аскетическихъ подвигахъ находилъ утѣшеніе въ прискорбномъ обстоятельствѣ. Однако, едва до него

доходить вѣсть о томъ, что Кесарійская церковь подверглась большой опасности отъ еретиковъ, что, слѣдовательно, его личное участіе и помощь для нея очень нужны, спѣшить предупредить Евсевія въ изъявленіи миролюбивыхъ чувствъ и, забывая прежнюю обиду и несправедливость, проникается одною мыслию, однимъ желаніемъ—спасти ввѣренное его попеченію и столь дорогое ему стадо Христово отъ волковъ хищныхъ. — Другое событіе, когда въ такой же мѣрѣ или еще болѣе рельефно проявилась пастырская заботливость св. Василія о благоустройствѣ своей церкви въ духѣ мира и любви—это политическое раздѣленіе Каппадокіи на двѣ области, повлекшее за собою и церковное раздѣленіе. Жители Кесаріи были крайне недовольны этимъ раздѣленіемъ; нужны были сильныя правительственныя мѣры, чтобы переселить многихъ изъ нихъ въ Подаидъ, назначенный главнымъ городомъ Каппадокіи; воцарилось всеобщее уныніе и скорбь; многіе бѣгство въ пустыню предпочитали Подаиду. Ко всему этому присоединилось замѣшательство и разстройство въ церковномъ управленіи. Епископъ Тіетскій Аноимъ не хотѣлъ подчиняться своему митрополиту — св. Василію, усвоивъ себѣ автономію власти, склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ другихъ епископовъ и началъ даже отбивать у него доходы. (Григ. Бог.; указ. соч., стр. 92).

Когда узналъ объ этомъ св. Василій, то первую его мыслию была не защита своихъ правъ и преимуществъ, незаконно поправныхъ Аноимомъ, нѣтъ, вниманіе пастыря прежде всего остановилось на томъ, чтобы умиротворить взволнованныя души своей паствы, дать имъ тотъ покой, который былъ нарушенъ гражданскимъ раздѣленіемъ Каппадокіи, а также предотвратить церковныя безпорядки и смуты, возникшіе благодаря честолюбивымъ и корыстолюбивымъ замысламъ епископа Тіанскаго и его сообщниковъ. Отсюда дѣятельность св. Василія по этому поводу направляется на слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, онъ ходатайствуетъ предъ гражданскимъ начальствомъ о возстановленіи прежняго единства Каппадокійской области (п. п. 70—74), а во-вторыхъ, старается увеличить число епископовъ, какъ оплотъ паствы, нуждающейся

теперь особенно въ утѣшеніи и наставленіи, отъ соблазна тѣхъ упомянутыхъ пастырей-наемниковъ, которые, забывъ о своихъ прямыхъ и важнѣйшихъ обязанностяхъ, стали преслѣдовать узко-эгоистическіе интересы. А между тѣмъ пишетъ полное христіанской любви и смиренія примирительное посланіе въ Тіану, въ которомъ говоритъ, что попеченіе о мирѣ было главною и постоянною задачею его жизни (п. 93); слѣдствіемъ этого было прекращеніе распри съ Анѳимомъ. Изъ этихъ миролюбивыхъ стремленій св. Василія, по замѣчанію Григорія Богослова, произошли три выгоды: попеченіе о душахъ приложено большее, каждому городу даны были свои права, а тѣмъ и вражда была прекращена (Указ. соч., 93).

Однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ пастырской заботливости св. Василія о внутреннемъ благоустройствѣ своей церкви былъ его клиръ. Сознавая всю высоту и важность обязанностей служителей алтаря, этихъ свѣтильниковъ, поставленныхъ на свѣщницѣ, да свѣтять всѣмъ, понимая, что каждый малѣйшій недостатокъ въ ихъ жизни не можетъ быть незамѣченнымъ для паствы и не только темнымъ пятномъ ложится лично на нихъ, но и вредно отзывается на духовно-нравственномъ состояніи пасомыхъ, св. Василій возвышенными чертами рисовалъ образъ служителя Церкви. Быть не худымъ, высказываетъ его взглядъ на этотъ предметъ св. Григорій Богословъ, онъ почиталъ добродѣтелию частнаго человека, а въ начальникъ и предстоятелъ, по его суду, и то уже порокъ, что онъ не оказывается постоянно лучшимъ и лучшимъ, и если ве соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола (тамъ же, 76). И онъ со всею настойчивостію проводилъ въ жизнь это идеальное воззрѣніе, начиная съ высшихъ іерархическихъ степеней и до низшихъ. Такъ, прежде всего замѣчательна въ ревностномъ Кесарійскомъ архипастырѣ внимательность и осторожность при выборѣ хорепископовъ: „я никогда не соглашусь, пишетъ онъ, въ этомъ случаѣ сдѣлать что-либо въ угоду людямъ, склоняясь на ихъ просьбы, какъ иногда поступаю въ другихъ случаяхъ, или уступая страху, потому что тогда окажусь не домостроителемъ, а корчемникомъ, если даръ Божій буду мѣнять на че-

ловѣческую пріязнь“, и дальше указываетъ, что выборъ хорепископа можетъ состояться не иначе, какъ съ соблюденіемъ всѣхъ существующихъ для этого постановленій и просить безпристрастной аттестаціи кандидатовъ на эту должность, какъ лучшаго обезпеченія отъ ошибки (п. 283). Не менѣе строго слѣдить св. Василій и за личною нравственною жизнью, равно какъ и за правильнымъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей уже вступившихъ въ это званіе. Какое, напримѣръ, негодованіе вызвало въ немъ извѣстіе о томъ, что нѣкоторые изъ подвѣдомственныхъ ему хорепископовъ повинны въ грѣхѣ симоніи, вслѣдствіе чего въ составъ клира вошло множество лицъ недостойныхъ, которыя приняли на себя священное служеніе не по призванію, а по низменному разсчету (напр., чтобы избѣжать военной службы)! Обличительное посланіе св. Василія по адресу подобныхъ хорепископовъ дышетъ ревностію ветхозавѣтныхъ пророковъ: то онъ грозно бичуетъ порокъ, вѣщая кару Божию и властно угрожая отлученіемъ отъ Церкви, то, мѣняя тонъ, умоляетъ ихъ именовъ спасенія очистить свои руки, оскверненныя симоніей, чтобы достойно приступать къ совершенію таинствъ Божіихъ. Онъ напоминаетъ имъ древнія правила Церкви о тщательномъ испытаніи кандидатовъ на церковныя должности, запрещаетъ принимать въ клиръ кого бы то ни было безъ своего утвержденія и требуетъ немедленнаго исключенія тѣхъ, кто незаконно восхитилъ это званіе (п. п. 49—50). Также заботился св. Василій и о частной жизни священнослужителей. Узнавъ, что одинъ хорепископъ, извѣстный прежде своимъ аскетическимъ образомъ жизни и вообще благочестіемъ, предался мірскимъ, суетнымъ занятіямъ, онъ съ начальственною строгостію, хотя не лиленною и любви, обличаетъ всю несовмѣстимость мірскихъ занятій съ жизнью по Богу, утверждая эту мысль свидѣтельствами слова Божія и доводами разума (п. 283). Равнымъ образомъ, хотя онъ и убѣжденъ былъ въ нравственной чистотѣ 70-лѣтняго пресвитера Парригорія, однако настойчиво повелѣваетъ ему удалить изъ своего дома женщину, чтобы, по апостолу, не полагать претыканія брату въ соблазнъ (Римл. 14, 13,—п. 51), а другому пресвитеру

дѣлаеть выговоръ за то, что тотъ не наказалъ силою своей власти дерзкаго похитителя нѣкоей дѣвицы (п. 262). Подобно этому, св. Василій съ пастырскою любовью вразумляеть одного діакона Гликерія, который, подъ предлогомъ руководства въ духовной жизни, собралъ вокругъ себя нѣсколько дѣвъ, бѣжалъ съ ними отъ своего епископа, чѣмъ возбудилъ, естественно, смятеніе и толки (п. п. 162—164). Ревностныхъ же въ вѣрѣ и благочестіи св. Василій ободрялъ своими совѣтами и наставленіями (п. 101). Такимъ образомъ, онъ употреблялъ всѣ пастырскія мѣры для духовно-нравственнаго развитія своихъ клириковъ и достигъ, дѣйствительно, того, что ихъ нравственный уровень значительно возвышался надъ всѣми другими, и слава о нихъ простиралась далеко за предѣлы Кессарійской церкви. Такъ, епископъ Иннокентій просилъ себѣ пресвитера изъ кесарійскаго клира (п. 77), такимъ же путемъ св. Василій далъ епископа жителямъ города Саталы, по ихъ усердной просьбѣ (п. 98), св. Амфилохій Иконійскій просилъ изъ кесарійскаго же клира кандидата на епископскую кафедру въ Исавріи (п. 217) и проч. Такіе опытные въ духовной жизни клирики оказывали, безъ сомнѣнія, весьма важную помощь въ трудахъ пастырскаго служенія св. Василія.

Другимъ, также весьма важнымъ предметомъ пастырскихъ попеченій св. Василія былъ институтъ монашества. Глубоко изучившій аскетическую жизнь чрезъ наблюденіе жизни восточныхъ монаховъ и собственныя управленія, св. Василій всегда чувствовалъ въ себѣ тѣсную связь съ монашествомъ: пустыня была для него тихимъ убѣжищемъ отъ житейскихъ непріятностей, отраднымъ, хотя и временнымъ успокоеніемъ въ минуты внутреннихъ невзгодъ и тревоженій; а потому быть вѣрнымъ другомъ-наставникомъ и руководителемъ иноковъ, дѣлиться съ ними своими богатыми духовными опытами, заботиться о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ ихъ жизни—все это было пріятнымъ долгомъ Кесарійскаго святителя. „Кто лучше Василія, пишетъ Григорій Богословъ, чтить дѣвство и предписывалъ законы плоти не только своимъ примѣромъ, но и произведеніями трудовъ своихъ? Кѣмъ устроены обители дѣвъ?

Кѣмъ составлены письменныя правила, которыми онъ уцѣлмудрилъ всякое чувство, приводилъ въ благоустройство каждый членъ тѣла и убѣждалъ хранить дѣвство?⁴ (Тамъ же, 95). Памятникомъ этихъ пастырскихъ отношеній св. Василія къ монашеству, на что намекаетъ вышеприведенное свидѣтельство, остались его краткія и пространныя правила, а также нѣсколько писемъ. Здѣсь онъ выясняетъ сущность истиннаго монашества и указываетъ стадіи постоянного восхожденія по пути аскетической жизни, подробно изображая внутренній міръ и внѣшнюю обстановку инока (прав. и п. п. 2, 22 и 39). Съ радостію привѣтствуя желавшихъ принять иноческіе обѣты, св. Василій отечески заботится о томъ, чтобы имъ были даны опытные руководители (п. 23), сообщаетъ краткія наставленія для начинающихъ трудный подвигъ отреченія отъ міра (п. 40), совѣтуетъ имъ устроить общежитіе, гдѣ бы они другъ другу споспѣшествовали въ исполненіи правилъ и были бы взаимными свидѣтелями своихъ успѣховъ (п. 287), съ мудрою заботливостію предостерегаетъ ихъ отъ увлеченія еретическими мыслями (п. п. 48 и 254) и радуется вмѣстѣ съ ними ихъ духовному преуспѣянію¹. Далѣе, когда ему приходилось имѣть дѣло съ такими явленіями въ духовной жизни монашества, когда немощь человѣческая ослабѣвала предъ высотой и трудностію аскетическихъ подвиговъ, и человѣкъ въ изнеможеніи готовъ былъ пасть подъ ихъ тяжелымъ бременемъ или даже совсѣмъ падаль — нарушалъ священные обѣты (п. п. 41—43, 112), тогда св. пастырь спѣшилъ словомъ наставленія или предупредить или уврачевать этотъ недугъ. Съ нѣжною заботливостію отца и съ мудрою осторожностію врача всегда приступаетъ онъ къ этимъ явленіямъ. Нужно прочесть нѣсколько писемъ къ падшимъ монахамъ (п. п. 41—43), чтобы видѣть,

¹ Но если св. Василій съ радостію поощрялъ въ нѣкоторыхъ людяхъ стремленіе къ иноческой жизни, то другихъ, которыхъ онъ не считалъ способными для иноческихъ подвиговъ, и которые, по его мнѣнію, были бы полезнѣе въ обществѣ, онъ прямо отклонялъ отъ этого; въ такомъ духѣ пишетъ онъ, напримѣръ, одному сановнику, желавшему промѣнять свое званіе на монашескій клобукъ: «прими опять свою должность: она даетъ тебѣ случай послужить и угодить Богу» (п. 299).

какъ по этому поводу сильно терзалось любящее сердце св. пастыря! Какимъ глубокимъ знаніемъ сокровенныхъ движеній человѣческой души запечатлѣны тѣ строки, гдѣ его художественное, выпуклое изображеніе порока невольно заставляетъ дрожать всѣ струны сердца человѣческаго! А потомъ, противопоставивъ ему величіе потерянной добродѣтели, на этомъ мрачномъ фонѣ чертитъ свѣтлую картину спасительной, всепрощающей благодати Божіей, приѣмлющей кающагося грѣшника. Впечатлѣніе получается скорбное, но не безнадежное-тупое, отчаянное, и душа, согрѣтая живыми лучами надежды на милость Божию, при смиренномъ сознаніи своей грѣховности, бодро дерзаетъ приступать къ подвигамъ покаянія и исправленія. Надобно большое знаніе души человѣческой, много любви къ людямъ, чтобы писать подобныя наставленія!.. Мы должны указать, наконецъ, на пастырскую заботливость св. Василия объ обстоятельствахъ внѣшней жизни иноковъ: онъ утѣшаетъ ихъ, когда аріане сожгли ихъ обитель и вообще воздвигли противъ нихъ гоненіе, надеждою на будущую награду на небесахъ, которая одна только можетъ одушевить инока, презрѣвшаго блага мірскаго (п. п. 248—49). Вообще и здѣсь мы видимъ въ св. Василии образъ того добраго евангельскаго пастыря, который знаетъ своихъ овецъ и полагаетъ за нихъ свою душу.

Тѣ же качества характеризуютъ св. Василия и въ его пастырскомъ попеченіи о своей мірской паствѣ,—и по отношенію къ ней онъ является тѣмъ же опытнымъ любвеобильнымъ наставникомъ, зорко слѣдящимъ за всѣми ея интересами и живо откликающимся на всѣ ея нужды и запросы, какъ и въ отношеніяхъ къ монашеству. Мы уже замѣтили выше, что въ дѣятельности св. Василия нравственно практическая-сторона была самою замѣчательною, самою важною, на которую св. отецъ преимущественно направлялъ свои богатые дарованія ума и сердца. Указать своимъ пасомымъ истинный путь добра и правды, упредить ихъ жизнь согласно этому высочайшему идеалу—это, можно сказать, было главною задачею жизни и дѣятельности св. Василия; „назиданіе“ по его собственному сужденію—вотъ конечная цѣль его трудовъ,—цѣль,

которая не только составляла предметъ его чисто-нравоучительныхъ сочиненій, но постоянно свѣтилась и въ догматическихъ, экзегетическихъ и др. „Въ своихъ поученіяхъ,— подтверждаетъ нашу мысль одинъ біографъ св. Василия,— онъ занимался не столько умозрительными предметами христіанскаго ученія, сколько дѣятельными. Живо и убѣдительно для ума и сердца онъ раскрывалъ красоту добродѣтели христіанскій и обличалъ гнусность пороковъ. Какъ проведеній всю жизнь въ подвигахъ и постоянномъ стремленіи къ высшему христіанскому совершенству, онъ съ увлекательною силою отторгалъ своихъ слушателей отъ порока и указывалъ имъ вѣрный путь къ добродѣтели... Самыя толкованія его на псалмы и на 16-ю гл. пророка Исаи направлены къ духовному назиданію слушателей“¹. Живая область дѣйствительности во всемъ многообразіи и пестротѣ ея явленій и проявленій вовлекала св. Василия въ свой бурный водоворотъ, впрочемъ, не какъ безучастнаго и недѣятельнаго члена, а какъ властнаго заправителя ея теченіемъ, дающаго ему направленіе и высшую цѣль. Семья, строй общественный, равно какъ и личныя условія и обстоятельства жизни отдѣльныхъ людей—всюду проникалъ благопопечительный взоръ пастыря, вездѣ онъ искалъ и находилъ поводы къ наставленію, все обращалъ въ средство „назиданія“. Вслѣдствіе этого, не говоря уже о письмахъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ онъ вводитъ насъ во внутреннюю жизнь паствы, и между другими его сочиненіями встрѣчаются такія, которыя, какъ говорятъ, прямо выхвачены изъ жизни, которыя прямо отвѣчаютъ на то или иное явленіе Кесарійской паствы. Вотъ онъ замѣчаетъ, что сборщики податей, при взятіи ихъ, принуждаютъ клясться людей,—и онъ съѣшить вразумленіемъ относительно важности клятвы и тяжести грѣха клятвопреступленія (п. 81); возмущаетъ его безчестный обманъ, овладѣвающій простыми душами и поселяющій въ нихъ суевѣрныя представленія, и онъ сильно и рѣзко изобличаетъ лжецовъ и обманщиковъ и ограждаетъ отъ обмана благоче-

¹ Архим. Агапита «Жизнь св. Вас. В.», стр. 170.

стивыхъ, но простосердечныхъ и довѣрчивыхъ людей (п. 290); слышать, что одна женщина, извѣстная своею щедростію и благотворительностію, въ то же время не старается объ искорененіи своихъ внутреннихъ недостатковъ—несправедливости и гордости,—и тотчасъ наставляетъ ее въ томъ, что не внѣшняя жертва пріятна Богу, а внутренняя чистота сердца, свободнаго отъ страстей и пороковъ (111 п.) и т. д. Нѣтъ никакой возможности, конечно, исчислить всѣ частные случаи и событія въ религіозно-нравственной жизни Кесарійской паствы, которые призывали св. Василия къ слову вразумленія и обличенія; мы представимъ лишь самую общую характеристику тѣхъ пріемовъ, которые онъ употреблялъ въ своемъ пастырскомъ душепопеченіи о своихъ духовныхъ чадахъ. Кажется, нигдѣ не отражается съ такою выпуклостію и опредѣленностію нравственная личность великаго Кесарійскаго святителя, какъ въ тѣхъ его словахъ, гдѣ онъ борется съ страстями и пороками, разъядавшими жизнь дорогой ему паствы.—Строгій аскетъ, великій подвижникъ духа, онъ, разумѣется, стоялъ цѣлою головою выше того нравственнаго уровня, до котораго достигала современная ему жизнь; обличаемые имъ пороки, которые составляли камень преткновенія немощи человѣческой, увлекавшей ихъ минутною прелестью, были не страшны, не соблазнительны для него самого; для него это были какъ бы дѣтскія увлеченія, которыя онъ давно побѣдилъ въ себѣ, подчинилъ строгому голосу разсудка и закона Божія, и всю пустоту, суетность и ничтожность которыхъ онъ видитъ со всею ясностію. Для него только одна добродѣтель представляетъ нѣчто устойчивое и постоянное, чуждое превратности и мимолетности житейскихъ интересовъ, это единственное, истинное и вѣчное сокровище духа, неотъемлемое даже смертію; только она одна можетъ и должна быть достойною задачею человѣческой жизни и дѣятельности. Отсюда его рѣчь никогда не унижается до потворства пороку, до смягченія его значенія для человѣка; отсюда тонъ ея—всегда возвышенно спокойный, увѣренный, убѣдительный, невольно отвлекающій мысль отъ тлѣннаго, земнаго къ вѣчному и небесному. Какъ всѣ дѣйствія св. Василия отличались необыкновеннымъ величіемъ

и важностію, говорить архимандритъ Агапитъ, такъ и всѣ сочиненія его запечатлѣны тѣмъ же характеромъ высоты и величія христіанскаго, — это ихъ общее и отличительное свойство, которое принадлежитъ имъ болѣе, нежели сочиненіямъ какого-либо другаго писателя церкви ¹. Указанное свойство нравоисправительной дѣятельности св. Василія не значило, однако, того, что онъ былъ лишь внѣшнимъ, стороннимъ созерцателемъ недуговъ современной ему жизни и отвлеченно, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета разсматривалъ ихъ; нѣтъ, его обличенія дышатъ жизненною правдою, силою глубокаго и всесторонняго пониманія внутреннихъ побужденій злой воли человѣка. Изображеніе порока у него не блѣдное, отвлеченное, а картинное, живое и до того сильное по своей художественной изобразительности, по вѣрности обслѣдованія въ мельчайшихъ его подробностяхъ и едва замѣтныхъ, почти неувидимыхъ проявленіяхъ, что невольно чудится, будто проповѣдникъ самъ пережилъ, почувствовалъ все это, будто онъ говоритъ отъ своего внутренняго опыта; а на самомъ дѣлѣ это означало только въ высшей степени чуткую, впечатлительную и наблюдательную душу тонкаго художника-психолога, который до того проникаетъ во внутреннее состояніе духа другихъ людей и такъ сильно сочувствуетъ его настроенію, что какъ бы усволяетъ его себѣ и самъ вновь переживаетъ его въ своей душѣ. Что можетъ быть, на примѣръ, правдивѣе слѣдующей картины упившихся? „Глаза у нихъ синіе, поверхность тѣла блѣдная, дыханіе трудное, языкъ нетвердый, произношеніе неясственное, ноги слабыя... Слухъ у нихъ полонъ звуковъ и шума. Имъ кажется, что земля поднимается вверхъ, и горы идутъ кругомъ. Они иногда смѣются неумолчно, а иногда плачутъ безутѣшно, то дерзки и неустрашимы, то боязливы и робки“ ². Или что можетъ быть драматичнѣе и трогательнѣе сцены между заимодавцемъ-ростовщикомъ и его жертвой-должникомъ, которую онъ нарисо-

¹ Жизнь св. Василія В., стр. 170.

² Твор. ч. IV. Бесѣда на упивающихся, стр. 246—48.

«СТРАННИКЪ», № 2, 1896.

валъ въ своей бесѣдѣ на окончаніе 14-го псалма ¹? Такимъ наглядно живымъ и жизненно-правдивымъ изображеніемъ порока св. пастырь поселялъ невольно въ сердцахъ своей паствы чувство отвращенія къ нему, которое еще болѣе усиливалось, когда онъ этой мрачной картинѣ противопоставлялъ другую, не менѣе яркую, но уже свѣтлыми красками нарисованную картину добродѣтели, какъ это онъ дѣлаетъ, на примѣръ, въ словѣ о постѣ ². И нельзя не подивиться тому мудрому, опытному педагогическому такту, который сказался въ его приемахъ борьбы съ порокомъ. Онъ знаетъ, что чловѣку, вкусившему гибельную сладость грѣха, пріобрѣтшему порочный навѣкъ, раскрытіе чисто-нравственной стороны его поступковъ, указаніе на нравственную его испорченность и обращеніе его ослѣпленнаго чувственностію взора къ возвышеннымъ, чистымъ идеаломъ — все это будетъ не со всѣмъ понятно или, по крайней мѣрѣ, мало дѣйственно. Для него будетъ полезнѣе и цѣлесообразнѣе выяснить весь вредъ, всѣ гибельныя слѣдствія грѣха для *настоящей, земной* жизни,—для той жизни, къ которой онъ такъ сильно привязанъ всѣми своими помыслами и расположеніями; понимая это, мудрый святитель прежде всего обращаетъ свою рѣчь не къ притупленному нравственному чувству, а къ обыкновенному благоразумію; онъ старается доказать, что порокъ не даетъ даже и того счастья, какъ оно понимается въ общежитейскомъ смыслѣ, напротивъ, положительно разрушаетъ его, служа источникомъ всевозможныхъ бѣдствій, страданій и невзгодъ, разстраивая здоровье, разрушая добрыя отношенія семейныя, дружественныя, общественныя и проч. Уже послѣ этого онъ переходитъ на чисто-идеальную почву, показывая растлѣвающе дѣйствіе порока на ходъ и развитіе духовно-нравственной жизни. И вездѣ при этомъ онъ поступаетъ съ тою мудрою осторожностію и отеческою заботливостію, какія были заповѣданы Божественнымъ Пастыреначальникомъ,—къ

¹ Твор. ч. I, стр. 212—225.

² Ibid., ч. IV, стр. 22—23.

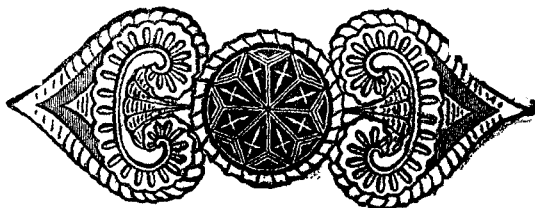
духовнымъ недугамъ онъ постепенно прилагаетъ всѣ средства врачеванія, какія св. Церковь съ самаго начала употребляла для этой цѣли, руководствуясь наставленіемъ Спасителя: сначала обличеніе наединѣ, при двоихъ, предъ цѣлымъ собраніемъ вѣрующихъ и уже потомъ, когда всѣ эти мѣры не оказывали должнаго дѣйствія, — къ тѣмъ, кого, по выраженію самаго св. Василия, не уцѣломудриваютъ обыкновенныя наказанія, онъ примѣнялъ юридическія формы церковнаго суда (п. 280). Но и мѣры этого послѣдняго рода, которыя мы называли юридическими (отлученіе отъ общенія въ молитвахъ, лишеніе участія въ таинствахъ и др.), насколько мы убѣдились изъ нѣкоторыхъ писемъ св. Василия, особенно же изъ его каноническихъ посланій къ св. Амфилохію Иконійскому, согрѣты самою теплою любовію къ согрѣшающимъ, отеческою снисходительностію къ немощамъ слабыхъ, хотя и не въ ущербъ правдѣ и безъ потворства грѣху, всегда ослабляющаго и подавляющаго нравственную жизнѣдѣтельность. Отъ всѣхъ каноническихъ постановленій св. Василия, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ духовной жизни его паствы, вѣдетъ именно этимъ духомъ любви и милосердія, который животворитъ мертвую букву закона, придавая ему характеръ не столько юридическій, сколько нравственный; вездѣ, во всѣхъ его правилахъ и опредѣленіяхъ свѣтитса мысль, что врачеваніе духовно-нравственныхъ болѣзней должно соразмѣрять не временемъ, а *образомъ покаянія*¹, и только въ зависимости отъ этого послѣдняго условія назначать—увеличивать или уменьшать періодъ наказанія. Вотъ почему св. Василий всегда цѣнилъ такъ дорого судъ церковный предпочтительно предъ гражданскимъ, никогда не чуждымъ нѣкоторой доли бездушнаго фѳормализма, вотъ почему онъ, по собственному признанію, принялъ себѣ за правило—сдѣлавшихъ зло не выдавать гражданскимъ властямъ (п. 281), такъ что, когда одинъ гражданскій начальникъ хотѣлъ было учинить свой судъ надъ церковными татями, св. Василий сильно протесто-

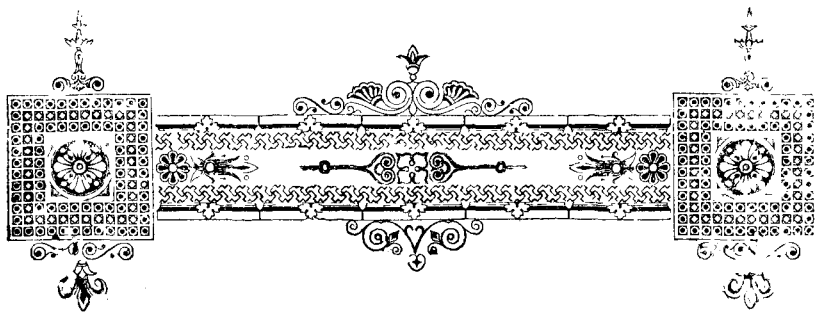
¹ См., напр., въ посл. къ св. Амфилохію прав. 2, 84 и др. Твор. ч. VI—VII.

валъ, указывая на то, что исправленіе преступленій, совершаемыхъ въ храмахъ, принадлежитъ не судьямъ, а представителямъ церковной іерархіи, „и я надѣюсь, продолжалъ онъ, что во имя Божіе на будущее время сдѣлаю ихъ (воровъ) лучшими, ибо чего не производятъ тѣлесныя наказанія, по приговору судилищъ, въ томъ, сколько знаемъ, нерѣдко оказываются дѣйствительными страшные суды Господни“ (п. 278). Только въ крайнихъ случаяхъ и притомъ съ прискорбіемъ душевнымъ онъ прибѣгалъ къ гражданскому суду (п. 281).

В. Георгіевскій.

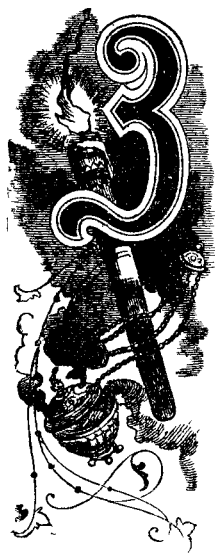
(Окончаніе слѣдуетъ).

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ПАСТЫРЬ И УЧИТЕЛЬ ЦЕРКВИ.

(Преимущественно по его письмамъ) ¹.

ЗАБОТЯСЬ о проведеніи въ жизнь своей паствы возвышеннаго идеала христіанской нравственности, св. Василій внимательно слѣдилъ также и за тѣмъ, чтобы сохранить въ ней во всей чистотѣ и неповрежденности основные догматы христіанскаго вѣроученія и предостеречь отъ заразы еретическими заблужденіями,—словомъ, усугубилъ свои заботы о религіозномъ образованіи своихъ духовныхъ чадъ. Въ то тревожное время интересъ общества къ богословскимъ вопросамъ достигъ высшей степени напряженности; богословскіе споры и словопренія происходили на площадяхъ и перекресткахъ, проникли даже въ женскіе терема ². Не могла, конечно, быть изъята отъ нихъ и Кесарійская паства; непризванные еретическіе учителя всякую минуту могли проникнуть въ Кесарію, взволновать, смутить и безъ того неспокойные умы или, что еще хуже, могли поколебать ихъ религіозныя убѣжденія. Воспитанная въ духъ православнаго ученія

¹ Окончаніе. См. феврал. кн. „Странника“.

² См. Григорія Богослова—Первое слово о богословіи. Твор. ч. III, стр. 4 и дал.

Кесарійская паства, естественно, ждала отъ своего пастыря поддержки и защиты отъ этихъ волковъ хищныхъ, могущихъ вторгнуться въ ихъ дворъ, и онъ, дѣйствительно, не замедлилъ отозваться на этотъ запросъ ея духовной жизни. Помимо этой словесной и письменной борьбы съ еретиками, имѣвшей обще-церковное значеніе, онъ въ своей неутомимой проповѣднической дѣятельности (которую къ этому времени усилилъ до того, что въ одинъ день говорилъ по двѣ, по три проповѣди), а также въ своихъ письмахъ, — старался со всею ясностію раскрыть предъ своими пасомыми основы православной догматики, наглядно показать ихъ глубокую истинность и несравненное превосходство предъ всѣми заблужденіями еретиковъ, и этимъ твердымъ оплотомъ оградить вѣрующія души отъ вторженія ложныхъ ученій. Что дѣятельность эта была именно вызвана ближайшими потребностями паствы, была прямымъ, живымъ отзвукомъ ревностнаго пастыря на современное общественное настроеніе — объ этомъ ясно свидѣтельствуется самъ св. Василій въ началѣ своей бесѣды о вѣрѣ, указывая, какъ на побужденіе къ своему слову, на то, что нынѣ всякій слухъ отверзтъ къ слушанію богословія ¹, или еще опредѣленнѣе въ другомъ мѣстѣ: «Узнавъ достойное любви къ Богу о Христѣ требованіе вашего благоговѣнія, которымъ вы домогались у меня письменнаго исповѣданія благочестивой вѣры, хотя сперва, сознавая свое смиреніе и немощь, медлилъ я отвѣтомъ, однакожь, какъ скоро вспомнилъ слова апостола, сказавшаго: сердцемъ вѣруется въ правду, усты-же исповѣдуется во спасеніе (Римл. 10, 10), — почелъ не безопаснымъ какъ отказать вамъ, такъ и предать молчанію спасительное исповѣданіе“ ². Отсюда, хотя это былъ видъ литературной борьбы съ еретиками, о которой мы говорили выше, но и по задачамъ, и по характеру, и по приѣмамъ рѣзко отличается отъ той, какую онъ велъ въ защиту вселенской истины и въ цѣляхъ ниспроверженія еретическаго ученія: тамъ его задачею было обнаружить и доказать несостоятель-

¹ Твор. ч. IV; Бесѣда 15 о вѣрѣ; стр. 259.

² Ibid., ч. V. Слово о вѣрѣ; стр. 26.

ность еретическихъ мнѣній, здѣсь—только предостеречь свою паству отъ увлеченій ими; тамъ характеръ борьбы былъ полемическій, здѣсь—апологетическій; тамъ, если позволительно такое сравненіе, была война наступательная, здѣсь—оборонительная; тамъ, наконецъ, имѣлись въ виду читатели интеллигентные, богословски (и не только богословски) образованные, предъ которыми необходимо было пользоваться всѣми средствами научной, рациональной аргументаціи своихъ убѣжденій, прибѣгая къ помощи діалектики и проч., здѣсь въ простотѣ сердца вѣрующимъ душамъ предлагалось простое, удобовразумительное слово. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ самъ св. Василій: „пока подлежало бороться съ возникавшими по временамъ ересями, почиталъ я приличнымъ, смотря по различію посѣвимаго діаволомъ нечестія, останавливать или низлагать распространяемыя хулы опроверженіями, и употреблялъ, какъ вынуждала къ тому потребность недугующихъ, тѣ и другія изреченія,—часто такія, которыхъ нѣтъ въ Писаніи, но которыя, впрочемъ, не чужды благочестивому смыслу Писанія... А теперь почелъ я сообразнымъ съ общею моею и вашею пользою требованіе вашей во Христѣ любви исполнить въ простотѣ здоровой вѣры... Ибо тогда занимало меня обличеніе ереси и разрушеніе діавольскихъ хитросплетеній; а теперь предлагается исповѣданіе и простое изъясненіе здоровой вѣры... Ибо иной родъ рѣчи обличительной, иной родъ рѣчи увѣщательной; инакова простота въ мирѣ исповѣдующихъ благочестіе, инаковы труды опровергающихъ возраженія лжеименнаго вѣдѣнія“¹. Полемиическій элементъ едва замѣтенъ въ этой предохранительной дѣятельности св. Василія; онъ сказывается развѣ только въ томъ, что пастырь съ особенною силою и настойчивостію останавливается на раскрытіи и уясненіи тѣхъ догматовъ, которые подвергались искаженіямъ у еретиковъ. Такъ, онъ подробно доказываетъ истину непостижимости Божества въ противовѣсъ еретикамъ, въ ложномъ самомиѣніи мечтавшимъ познать самую сущность Его, догматъ единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцомъ (противъ аріанъ), равност-

¹ Твор. ч. V. Слово о вѣрѣ, стр. 27—29.

ности св. Духа (противъ духоборцевъ) и т. под. Свидѣтельствомъ этой защиты св. Василиемъ своей паствы отъ зараженія ересями служить многія его слова и бесѣды (особенно въ IV и V чч. его твор. въ рус. перев.), а равно письма: 48, 101, 252—254, 257, 287 и др.

Не на одномъ только религіозно-нравственномъ воспитаніи своей паствы сосредоточивалась пастырская попечительность св. Василія: ему не чужды были заботы и о свѣтскомъ образованіи своихъ пасомыхъ. Въ этомъ отношеніи по преимуществу юношество, полное свѣжихъ, нетронутыхъ, не испорченныхъ жизнью силъ, одушевленное любовью къ истинѣ и добру,—этотъ самый драгоцѣнный періодъ для приобрѣтенія всякаго рода знаній,—останавливало на себѣ особенное вниманіе и сердечное расположеніе пастыря: оно находило въ немъ мудраго, опытнаго руководителя и нѣжно-любящаго отца. „И настоящій мой возрастъ, и упражненіе во многихъ дѣлахъ, и достаточное знаніе всякихъ и всему обучающихъ перемѣнъ,—говоритъ юношамъ св. Василій,—сдѣлали меня опытнымъ въ дѣлахъ человѣческихъ; почему едва вступающимъ въ жизнь могу указать самый безопасный путь. При томъ, по естественному родству, я первый для васъ послѣ родителей, почему не меньше отцовъ имѣю къ вамъ расположенія и о васъ думаю, если только не ошибаюсь во мнѣніи моемъ, что, видя меня, вы не желаете видѣть родителей“¹. Равно и въ своей перепискѣ съ Ливаніемъ онъ съ отеческою нѣжностію называетъ юношей своими дѣтьми (п. п. 327—328). Изъ этого видно, какая тѣсная, крѣпкая связь любви соединяла молодое поколѣніе Кесарійской паствы съ ея архипастыремъ, видно, съ какимъ искреннимъ довѣріемъ раскрывало оно предъ нимъ свои юныя души, жаждавшія свѣта истины, а онъ, съ своей стороны, отвѣчая этому благородному стремленію, не щадилъ трудовъ, чтобы дать правильное и самое широкое и разностороннее развитіе ихъ молодымъ силамъ. Получивши самъ прекрасное классическое образованіе, св. Василій, подобно многимъ св. отцамъ Церкви, очень благо-

¹ Твор. ч. IV. Бесѣда къ юношамъ; стр. 344.

склонно смотрѣлъ на языческую науку. Онъ видѣлъ въ ея философіи зародыши и проблески той единой истины, которая во всей полнотѣ явилась въ христіанскомъ Откровеніи, въ ея морали—проявленіе той естественной добродѣтели, о которой говорилъ св. апостоль Павелъ (Римл. 2, 14),—видѣлъ вообще тамъ хорошую подготовительную школу, весьма полезную для болѣе полного и глубокаго уразумѣнія христіанскаго ученія. По мнѣнію св. Василія, „въ будущую жизнь, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ наши стремленія, вся дѣятельность на землѣ,—вводятъ насъ, конечно, св. Писаніе, но пока по возрасту мы не можемъ изучать глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зеркалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣтая оытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ“¹. Отсюда, въ письмахъ къ Ливанію онъ находитъ очень полезнымъ и желательнымъ не только для юношей, но и для взрослыхъ Каппадокійцевъ поучиться у него словесности и другимъ классическимъ наукамъ, и скорбить о томъ, что, будучи не въ состояніи осуществить это желаніе, онъ принужденъ ограничиться нѣсколькими молодыми людьми (п. п. 326—28). Но, вѣря ихъ языческому ученому, раскрывая предъ ними широкую область классической мудрости и доказывая цитатами изъ сочиненій и примѣрами изъ жизни языческихъ писателей присутствіе у нихъ истины и добра, св. Василій не оставляетъ ихъ безъ попеченій и даетъ подробное наставленіе о томъ, какъ пользоваться языческою наукою. Чтобы не заблудиться въ обширномъ лабиринтѣ свѣдѣній, не всегда полезныхъ, чтобы не увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, не нужно, пишетъ св. Василій, отдать этимъ мужамъ (языческимъ ученымъ) кормило корабля и слѣдовать куда-бы они ни повели, а нужно имѣть одну опредѣленную руководящую идею или цѣль, которая-бы регулировала всѣ стремленія къ истинѣ и съ точки зрѣнія, которой оцѣнива-

¹ Ibid., стр. 346.

лось-бы каждое знаніе, и сообразно съ этимъ одно принималось, а другое отвергалось. Эта идея есть мысль о спасеніи, эта цѣль—приготовленіе себя къ вѣчной жизни; а потому, что согласно, сродно съ этою идеею, что отвѣчаетъ этой цѣли, къ тому должно стремиться, а что нѣтъ, того остерегаться. Хорошо, напримѣръ, заниматься музыкою, продолжаетъ онъ, но надобно избѣгать той музыки, которая возбуждаетъ страсти, вредить чистотѣ добродѣтели“;... вообще, по мысли св. пастыря, въ пользованіи языческой наукой нужно уподобиться пчеламъ, которыя хотя и на всѣ цвѣты равно садятся, однако стараются взять съ нихъ только то, что пригодно на ихъ дѣло;... и какъ, срывая цвѣты съ розоваго куста, мы избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ языческихъ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ избѣгать вреднаго ¹. И здѣсь, повторимъ, сказался тотъ мудрый воспитательный принципъ великаго святителя, по которому онъ, давая полный просторъ и свободу всѣмъ естественнымъ силамъ и наклонностямъ человѣческаго духа, умѣлъ направить ихъ къ одной истинной цѣли, или, выражаясь его собственными словами, изъ всего умѣлъ извлечь „назиданіе“. Рѣчь къ юношамъ, замѣчаетъ Фарраръ, показываетъ, какъ возможно было для христіанскаго пресвитера извлекать со страницъ классическихъ писателей уроки не только добродѣтели, но и (христіанскаго) благочестія ².

Сфера душепопечительной дѣятельности пастыря Церкви не ограничивается, не исчерпывается всецѣло явленіями чисто нравственнаго порядка (о которыхъ у насъ доселѣ была рѣчь), но простирается гораздо далѣе, обнимая собою всю совокупность жизненныхъ условій, всю сумму обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ такъ или иначе слагается извѣстный строй жизни не только общественной, но и частной, индивидуальной, проникая и освѣщая своимъ свѣтомъ всѣ темные уголки внутренняго, душевнаго міра человѣка. Хотя область житейскихъ — социаль-

¹ Ibid., стр. 345—49, 360 и друг.

² Ф. В. Фаррара „Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви“. Переводъ А. П. Лопухина. Спб. 1891 г. Стр. 454.

ныхъ, имущественныхъ и др. отношеній создается на почвѣ житейскаго благоразумія и земныхъ интересовъ и не касается непосредственно религіозно-нравственныхъ обязанностей христіанина, которыя собственно и составляютъ предметъ пастырскихъ попеченій; но поелику религіозная жизнь не можетъ течь и развиваться какъ-либо совершенно особнякомъ, изолированно отъ прочихъ проявленій его личной жизни, и христіанинъ, хотя по своему назначенію членъ града Божія, но совершаетъ свое земное поприще въ кругу земныхъ отношеній и необходимо испытываетъ ихъ вліяніе на свой духовно-нравственный ростъ, то, понятно, долгъ пастыря упорядочить и нормировать эти отношенія въ полной гармоніи съ главнѣйшими и высшими обязанностями человека-христіанина. Особенно невзгоды, неудача жизни, разстройство житейскаго механизма—это такъ называемое зло физическое требуетъ дѣятельнаго попеченія пастыря: оно гнететъ, давитъ человека, разрушаетъ спокойное, мирное равновѣсіе его духовныхъ силъ, пробуждаетъ уныніе, ропоть, а иногда даже отчаяніе, — холодная или небрежная невнимательность пастыря, очевидно, не только не законна, но и прямо пагубнымъ образомъ можетъ отозваться на жизни его паствы, не говоря уже о томъ, что это молчаніе можетъ страшно подорвать любовь и довѣріе къ пастырю, парализовать успѣхи его дѣятельности. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, если бы пастырь сталъ спокойно раскрывать своимъ слушателямъ истины христіанскаго ученія въ тѣ минуты, когда ихъ души, пораженные какимъ-либо бѣдствіемъ, всеми своими мыслями и чувствами прикованы только къ этому событію; еще страннѣе и несообразнѣе, если-бы онъ сталъ проповѣдывать настоятельность, когда слушатели его не имѣютъ насущнаго пропитанія. Ясно, привѣтся-ли такое слово пастыря?! Нѣтъ, его слово только въ томъ случаѣ будетъ живо и дѣйствительно, когда оно прямо отзывается на всѣ, даже самыя мельчайшія событія въ жизни своихъ пасомыхъ (это означаютъ слова притчи Христовой, что добрый пастырь знаетъ своихъ овецъ *по имени*); только тогда, когда каждый увидитъ въ немъ своего вѣрнаго друга-помощника во всякой бѣдѣ, ангела-утѣшителя во всякой скорби,

онъ съ любовію, довѣрчиво раскроетъ предъ нимъ свой духовный міръ, всѣ свои задушевные мысли и чувства; тогда съ радостію и благоговѣніемъ приметъ къ сердцу каждое его слово. Здѣсь-то, при тяжелыхъ обстоятельствахъ, и познается вся великая сила христіанскаго утѣшенія, носителемъ котораго является христіанскій пастырь; здѣсь-то, какъ нигдѣ, и открывается благодатная, обильная почва для воспитательнаго воздѣйствія пастыря на души своихъ пасомыхъ. Поучительный примѣръ такихъ именно отношеній къ паствѣ представляетъ намъ великій Кесарійскій святитель, съ личности котораго мы собственно и взяли указанные черты истиннаго пастырства. Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать тѣ мѣста его сочиненій, особенно письма, гдѣ онъ, бдительнымъ взоромъ любви слѣдя за всѣми житейскими нуждами своихъ пасомыхъ, является защитникомъ и утѣшителемъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ скорбящихъ и озлобленныхъ, когда воплощаетъ въ себѣ высокую идею христіанскаго пастыря-врача и исцѣлителя всѣхъ наболѣвшихъ духовныхъ ранъ своей паствы. Мы разсмотримъ главныя, наиболее выразительныя и ярко освѣщенные въ его сочиненіяхъ стороны этой дѣятельности св. Василия, каковыми намъ представляются слѣдующія: а) утѣшеніе въ скорбяхъ, б) ходатайство за обиженныхъ человѣческою несправедливостію и в) благотворительность къ бѣднымъ.

Кругъ писемъ св. Василия утѣшительнаго характера довольно обширенъ и разнообразенъ по своему содержанію примѣнительно къ разнообразію условій и обстоятельствъ и зависящихъ отъ нихъ душевныхъ настроеній тѣхъ индивидуумовъ, которые требовали пастырскаго утѣшенія; не вдаваясь въ излишнія подробности, мы укажемъ лишь общіе приемы и направленіе, а также тѣ цѣли и задачи, какія преслѣдовалъ ревностный пастырь, преподавая христіанское утѣшеніе нуждающимся. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе близость участія, съ какою онъ относился къ бѣдствіямъ и скорбямъ своихъ духовныхъ чадъ: безъ преувеличенія можно сказать, что они такъ поражали его нѣжное, сострадательное сердце, какъ-бы его собственныя; онъ дѣйствительно самъ

всегда тяжело болѣлъ душою при видѣ несчастій своей паствы, самъ горько плакалъ ея слезами. „Постигшую тебя скорбь, пишетъ св. Василій одному отцу, лишившемуся горячо любимаго сына, о блаженномъ сынѣ твоёмъ призналъ я собственною своею скорбію и возстеналъ о безвозвратной разлукѣ съ нимъ, всего болѣе соболѣзнуя о тебѣ и разсуждая, какъ будетъ тяжела болѣзнь эта для отца по семейству, когда столько было сердечной печали и въ насъ“ (п. 292); или вдовѣ, пораженной смертію мужа: „нужно-ли говорить, сколько было у меня стенаній при извѣстїи о горести, причиненной смертію превосходнѣйшаго изъ людей Врисона (имя мужа)?.. Но у меня за печалію послѣдовала забота о тебѣ, ... какъ горе это должно было поразить твою душу, по природѣ столь добрую и по мягкости нрава столь склонную къ сострадательности, и пораженную такимъ несчастіемъ!“ (п. 294; тоже въ 293 и нѣкоторыхъ друг.). Это-то качество его утѣшенія всего болѣе дѣйствовало успокоительнымъ и примиряющимъ образомъ на несчастныхъ, это и придавало особенно-могучую силу и дѣйственность его словамъ утѣшенія, согрѣтымъ живымъ и теплымъ, чисто-родственнымъ чувствомъ состраданія: каждый со всею ясностію и очевидностію убѣждался, что пастырское утѣшеніе св. Василія не есть только дѣло холоднаго ума, не есть сухое, оффиціальное исполненіе своей неизбѣжной, хотя и тяжелой обязанности, а плодъ искренняго и неподдѣльнаго сочувствія пастыря, который самъ страдаетъ его страданіемъ, и потому съ полнымъ довѣріемъ отдавался и подчинялся его словамъ. Привлекши и расположивъ къ себѣ этимъ нѣжнымъ участіемъ сердце несчастнаго, св. Василій приступалъ уже къ самому утѣшенію. И нельзя не подивиться той мудрости, съ какою онъ ведетъ это дѣло, воспроизводя собою предъ глазами читателей великихъ и сильныхъ словомъ св. апостоловъ. Когда постигаетъ человѣка какое-либо несчастіе, то первый вопросъ, который навѣвается имъ и такъ назойливо беспокоитъ удрученное печалію сознание—это вопросъ о причинѣ и цѣли страданія. За что и къ чему все это? недоумѣваетъ человѣкъ. И омраченный скорбію разсудокъ рѣдко правильно и трезво рѣшаетъ эти вопросы: если великій праведникъ Іовъ

не могъ удержаться отъ нѣкотораго ослабленія нравственной энергіи, отъ выраженія нѣкотораго нетерпѣливаго раздраженія, то что сказать объ обыкновенныхъ слабыхъ людяхъ, которые и при несравненно меньшихъ бѣдствіяхъ всегда готовы поддаться искусительному ропоту на несправедливость Провидѣнія и видѣть надъ собою тяготѣніе какой-то злой карающей силы, которые, по мнѣнію св. Василія Великаго, едва встрѣтятъ хотя малое огорченіе въ жизни, не перенося затруднительности обстоятельствъ, тотчасъ начинаютъ колебаться въ мысляхъ, имѣеть-ли Богъ попеченіе о здѣшнемъ мірѣ, надзираеть-ли за дѣлами cadaго, воздаеть-ли каждому должное ¹? Въ виду и въ предупрежденіе этого, св. Василій въ своихъ утѣшительныхъ письмахъ прежде всего старается выяснить такъ часто повторяемые, по выраженію св. Василія, вопросы о сущности и происхожденіи зла, особенно въ его конкретныхъ и наиболее ощутительныхъ для привязаннаго къ земному человѣка проявленіяхъ,—въ формѣ болѣзней, преждевременной, по человѣческому разумѣнію, смерти и т. под., старается дать отвѣтъ на то недоумѣніе, какимъ образомъ это съ одной стороны зло, а съ другой—произведеніе Божіе. Есть двоякаго рода зло, рассуждаеть св. Василій,—зло по существу своему, по природѣ, и зло только въ нашемъ ощущеніи, зло субъективное; первое—это исключительно грѣхъ; всѣ-же бѣдствія и несчастія земной жизни, что люди особенно склонны считать зломъ, относятся къ послѣдней категоріи и не суть зло въ собственномъ смыслѣ, потому что всегда направляются къ благу, къ нравственной пользѣ человѣка. Эту послѣднюю мысль, столь утѣшительную для угнетенной скорбію души, св. Василій старался напечатлѣть въ сознаніи своихъ слушателей съ особенною силою и настойчивостію. Для кого посылаются, напр., болѣзни? спрашиваетъ онъ.—Для тѣхъ, кому полезнѣе имѣть связанные члены, чѣмъ безпрепятственно устремляться въ грѣхъ. У кого отнимаетъ Богъ имущество? У тѣхъ, кто худо распоряжается имъ и проч. ².

¹ Бесѣда о томъ, что Богъ не виновникъ зла. Твор. ч. IV; стр. 143-

² Ibid., стр., 144—46.

Особенно подробно и обстоятельно останавливается св. Василій на мысли о смерти, которую люди считают суммою всѣхъ несчастій на землѣ, и силою своего свѣтлаго, богопросвѣщеннаго взгляда разгоняетъ тѣ ужасные вѣковые призраки, которыми она всегда окружается въ воображеніи людей. Но въ какомъ случаѣ смерть, дѣйствительно, была-бы страшна? Въ томъ, по мысли св. Василія, если-бы христіанинъ ограничивалъ свои надежды только узкими предѣлами этой жизни, подобно тѣмъ не имущимъ упованія язычникамъ, о которыхъ еще упоминалъ св. апостоль Павелъ (п. 97). Но, вѣдь, по христіанскому ученію, человѣкъ—странникъ и пришлецъ на землѣ, его земная жизнь есть только приготовительная ступень къ небесной, вѣчной жизни, которая начнется за гробомъ, и, слѣдовательно, кого, по нашему мнѣнію, постигла ранняя, преждевременная смерть, тотъ, очевидно, окончилъ назначенный ему періодъ приготовленія и оказался болѣе другихъ достойнымъ и способнымъ къ вѣчному царству славы, и дальнѣйшее его пребываніе на землѣ было-бы излишнимъ, бесполезнымъ, а иногда и прямо вреднымъ для его души искусомъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. Смерть, такимъ образомъ, является лишь желаннымъ исполненіемъ главнѣйшей цѣли земной жизни человѣка и освобожденіемъ отъ опасности грѣха, этого единственнаго, истиннаго зла для человѣческой души, а потому не должно чрезмѣрно предаваться скорби, а легко и съ свободою душою подчиниться этому закону человѣческаго существа (п. п. 292—94, 261). Съ другой стороны, смерть ближняго должна напоминать, по мысли святителя, живымъ о томъ, что рано или поздно и имъ предстоитъ дать отвѣтъ предъ Богомъ въ своихъ дѣлахъ, и такимъ образомъ служить полезнымъ урокомъ для оживленія въ нихъ нравственной энергіи и чувства преданности закону Божію. Итакъ, смерть полезна во всякомъ случаѣ—и для живыхъ, по причинѣ награды за терпѣніе, и для души, похищенной отъ міра, дабы она, замедляя далѣе въ этой жизни, не заразилась порокомъ (п. 97). Кто не слышитъ во всѣхъ этихъ увѣщаніяхъ извѣстнаго утѣшенія св. апостоломъ Павломъ Солунскихъ христіанъ (I Сол. IV, 13—V, 10)?—Равнымъ образомъ, по ученію св. Василія,

и прочія скорби посылаются Господомъ Его рабамъ не напрасно, а для испытанія ихъ любви къ Нему и имѣютъ свою цѣлю увѣнчаніе ихъ славою, а потому должны быть принимаемы съ радостію и благодареніемъ, хотя-бы онѣ и чувствительно трогали нашу душу въ настоящемъ (п. 97; ср. 204). Какъ врачъ хотя и производитъ въ тѣлѣ труды и страданія, однако-же благодѣтель, потому что борется съ болѣзнію, а не съ больнымъ; такъ благъ и Богъ, Который частыми наказаніями устрояетъ спасеніе цѣлаго ¹. Даже и тогда, когда мы не знаемъ законовъ, по которымъ все, случающееся съ нами, посылается намъ отъ Владыки во благо, мы должны быть увѣрены въ томъ, что оно, безъ сомнѣнія, полезно для насъ (п. 97). Опять: кто не припоминаетъ здѣсь наставленія св. апостола Іакова о радованіи среди искушеній (1, 2—4)? Впрочемъ, св. Василій не отвергаетъ совершенно естественной скорби въ несчастіяхъ; онъ и самъ скорбитъ, и понимаетъ скорбь въ другихъ, онъ возстаетъ лишь противъ чрезмѣрной, безнадежной скорби; не отрицая вовсе субъективнаго значенія зла физическаго—болѣзней, смерти и проч., онъ старается указать его начало и происхожденіе. Въ прекрасной, художественной параллели между нимъ и грѣхомъ св. Василій доказываетъ ту мысль, что не Богъ—виновникъ зла, а испорченная, злоупотребившая своею свободою воля человѣка ². Иногда въ своихъ утѣшеніяхъ св. отецъ отъ общихъ разсужденій переходитъ на реальную почву исторической дѣйствительности—это всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ его утѣшеній являются событія современной ему церковной жизни: козни и гоненія еретиковъ на православныхъ; тогда онъ въ изображеніи и обрисовкѣ самыхъ событій и обстоятельствъ находитъ средства утѣшенія и ободренія; прославляетъ прежніе подвиги исповѣдниковъ въ борьбѣ съ врагами и именемъ этихъ славныхъ подвиговъ, а равно и ожидающихъ ихъ на небесахъ наградъ возбуждаетъ къ терпѣливому пере-

¹ Бесѣда о томъ, что Богъ—не виновникъ зла. Твор. ч. IV; стр. 146.

² См. бесѣду св. Вас. на эту тему. Твор. ч. IV, стр. 142—162 (особ. 154—55 стр.).

несенію дальнѣйшихъ бѣдствій; онъ не скрываетъ своей радости и удивленія ихъ подвигамъ, показывая, что уже самое трудное—начало—ими сдѣлано, теперь остается только довершить начатое, только сохранить и удержать за собою ту высоту нравственной энергіи, какая такъ доблестно была ими уже обнаружена. „Постарайтесь, чудные, вызываетъ св. Василій, чтобы послѣдующее было достойно понесенныхъ вами трудовъ, покажите, что на великомъ основаніи вы воздвигаете еще болѣе достойное вниманія зданіе Божіе“ и т. дал. (п. п. 176, 212—14, 230, 260 и др.).

Воплощая въ своей личности и неуклонно проводя въ дѣятельности возвышенные христіанскіе идеалы правды и добра, св. Василій, естественно, глубоко возмущался всякими проявленіями насилія и несправедливости, и потому всѣ обиженные, оскорбленные всегда находили въ немъ своего усерднаго, заботливаго ходатая и заступника. Какъ видно изъ многихъ писемъ св. Василія, эта дѣятельность его была очень обширна: къ его ходатайству обращались не только простолюдины, но и люди, занимавшіе видное общественное положеніе, облеченные властью, гражданскою и церковною: пресвитеры (п. п. 36—37), епископы (п. 32—33), ученые (п. 68) и даже цѣлые города и области (п. п. 71—72, 106 и др.), важные государственные сановники (п. 92); это показываетъ, съ одной стороны, что великій Кесарійскій святитель стяжалъ себѣ всеобщую, далеко распространившуюся славу ревностнаго, сильнаго заступника всѣхъ пострадавшихъ отъ людской несправедливости, а съ другой, что лица полномочныя, стоявшія на верху гражданской администраціи съ великимъ уваженіемъ относились къ нему, цѣнили и съ охотою исполняли, по возможности, всѣ его просьбы. Но это ничуть не превозносило, не надмѣвало смиреннаго служителя престола Божія; напротивъ, какъ на особенно-выдающуюся, характерную черту его ходатайственныхъ писемъ, нужно указать на ту замѣчательную и удивительную общедоступность, съ какою онъ относился къ нуждамъ всѣхъ угнетенныхъ: въ этомъ отношеніи онъ не зналъ различія званій, состояній и общественныхъ положеній,—всѣ одинаково находили въ немъ внимательнаго,

любящаго отца и покровителя, даже болѣе,—чѣмъ слабѣе, чѣмъ беззащитнѣе оказывался человѣкъ, требовавшій его заступничества, тѣмъ шире раскрывалъ онъ предъ нимъ и тѣмъ обильнѣе источалъ на него всё сокровища своего любвеобильнаго, сострадательнаго сердца. Въ письмахъ къ сильнымъ міра по этимъ поводамъ св. Василій называетъ своихъ кліентовъ самыми нѣжными именами дѣтей, братьевъ и подробно рисуетъ картины ихъ бѣдственнаго положенія: особенною трогательностію и теплотою чувства дышетъ его ходатайство за одного престарѣлаго человѣка, обремененнаго большимъ семействомъ и не имѣвшаго рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни (п. 301), или за одну бѣдную вдову, притѣсняемую своимъ жестокимъ кредиторомъ (п. п. 103—105), или, наконецъ, за правителя Каппадокіи, который внезапно и совершенно незаслуженно сдѣлался жертвою гнѣва высшаго начальства (п. п. 142—44). Такое не внѣшне-формальное, а искреннее, задушевное отношеніе св. Василія къ участи ближняго придавало могучую силу его ходатайству и невольно размягчало сердца тѣхъ, отъ кого зависѣло удовлетвореніе его; но было и другое орудіе, которымъ онъ пользовался для успѣшнаго дѣйствія своихъ ходатайствъ,—это особенное, свойственное только ему умѣнье, тактъ въ обращеніи съ сильными міра сего. Онъ рѣдко ставилъ свои ходатайства на почву законности, хотя и этотъ аргументъ не отвергаетъ въ томъ случаѣ, когда извѣстное дѣло слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза попраніемъ законовъ правды (п. п. 142—44, 92 и др.); нѣтъ, болѣе излюбленный его пріемъ—направлять свое слово на другія, болѣе чувствительныя струны сердца человѣческаго,—онъ не столько доказываетъ, сколько убѣждаетъ, взывая къ чувству человѣколюбія, сострадательности, великодушія и под. Когда человѣку указываютъ на его отступленіе отъ долга и во имя правды ищутъ удовлетворенія, то такое обращеніе звучитъ не столько просьбою, сколько холоднымъ требованіемъ, и надобно имѣть дѣйствительно великодушное сердце, чтобы прямыми глазами, смѣло посмотрѣть на свою ошибку и исправить ее: уязвленное и раздраженное этимъ мелкое самолюбіе всегда готово оправдать себя и остаться глухимъ, не чувстви-

тельными ко всѣмъ доводамъ и резонамъ. Когда-же въ основаніе ходатайства стараются положить обращеніе къ высшимъ, благороднѣйшимъ, истинно-гуманнымъ чувствамъ человѣка, то онъ невольно размягчается и поддается ихъ обаятельному дѣйствію. Вотъ въ какомъ духѣ пишетъ, напр., св. Василій къ магистру Софронію: „не легко для меня исчислить всѣхъ благодѣтельствованныхъ твоимъ великодушіемъ: такъ многимъ сдѣлано добро высокою твоею рукою, которую Господь даровалъ мнѣ помощницею во времена важныя,... посему и прошу тебя: замѣни собою для этого человѣка всѣхъ“!.. (п. 170, ср. 172, 33 и др.). Но это, разумѣется, вовсе не было какимъ-либо унизительнымъ ласкательствомъ, — тамъ, гдѣ нужно было, письма его звучатъ силою дерзновенія и непреклонной настойчивости. Св. Григорій Богословъ передаетъ одно событіе, которое можетъ быть прекрасною иллюстраціею этого послѣдняго свойства пастырскихъ ходатайствъ св. Василія. Одна знатная вдова, измученная преслѣдованіями человѣка, насильственно искавшаго ея руки, воспользовалась правомъ убѣжища въ христіанскомъ храмѣ, и св. Василій до послѣдней возможности считаетъ своимъ долгомъ охранять это священное право. Но желавшій добиться своей цѣли преслѣдователь женщины обратился съ просьбой выдать ее ему къ гражданскому правителю Каппадокіи—аріанину. Послѣдній, будучи по своимъ убѣжденіямъ враждебно настроенъ противъ св. Василія, рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы поглумиться и опозорить св. имя великаго пастыря. Съ этою цѣлію онъ приказалъ обыскать его домъ и спальню, выставляя на видъ всѣмъ свои нечистыя и гнусныя подозрѣнія, а когда это не привело ни къ чему, то призвалъ его въ судъ и угрозами наказаній требовалъ выдачи женщины, но неустрашимый святитель оставался непреклоненъ и равнодушенъ ко всѣмъ угрозамъ. Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, но горячо любившая своего пастыря вся Кесарійская церковь, особенно низшіе, бѣднѣйшіе классы, а также женщины, — вообще тѣ, кто по преимуществу ощущалъ на себѣ всю силу его отеческихъ попеченій объ ихъ нуждахъ—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, возстали на защиту невинно оскорбленной святости

его и, возмущенные дерзостію начальника, угрожали опасностію его жизни; только самъ св. Василій, забывъ личную обиду, силою своею слова могъ обуздать взволнованный народъ и этимъ спастъ отъ смерти своего оскорбителя ¹. Такую энергію и рѣшимость проявлялъ св. Василій особенно тогда, когда частные интересы искавшаго у него покровительства лица соприкасались и переплетались съ болѣе общими и высшими интересами вѣры и нравственности, какъ, напр., въ данномъ случаѣ, или еще, когда, напр., онъ ходатайствовалъ о снятіи гражданскихъ пошлинъ съ членовъ клира, чтобы они, свободные отъ мірскихъ занятій, безпрепятственнѣе могли посвящать себя на служеніе церкви (п. п. 100, 276—77 и др.). Но особенно рѣшительно онъ высказался съ этой стороны при раздѣленіи Каппадокіи, когда онъ самъ, не менѣе другихъ потрясенный общественнымъ бѣдствіемъ, смѣло обращается ко всѣмъ властямъ, живо рисуя предъ ними всѣ погубныя послѣдствія этого раздѣленія и усердно умоляя внять его ходатайству; письма эти поистинѣ запечатлѣны духомъ ревности Илиной (п. п. 70—72) ¹.

Проникая своимъ пастырскимъ попеченіемъ всѣ отправления духовной жизни своей паствы, св. Василій, естественно, не могъ не встрѣтиться съ вопросомъ объ ихъ имущественныхъ отношеніяхъ, которыя играютъ столь важную роль въ жизни и eo ipso сильно отражаются на устроеніи ихъ религіозно-нравственной жизни, и это тѣмъ болѣе, что въ современную ему эпоху церковь принимала на себя дѣло общественной благотворительности. Какъ ревностный, попечительный пастырь, онъ не могъ не стать во главѣ этого святаго дѣла христіанскаго милосердія, и здѣсь, какъ и вездѣ, явился на высотѣ своего призванія: онъ не только своимъ властнымъ, авторитетнымъ словомъ старался нормировать отношенія между богатыми и бѣдными, — указать правильное, христіанское употребленіе богатства первымъ и научить терпѣливому перене-

¹ Надгробн. слово св. Василию; стр. 90—92.

² Это сравненіе св. Василия съ прор. Иліею не наше: оно высказано было еще св. Григоріемъ Нисскимъ въ его похвальномъ словѣ своему брату. См. его Твор., ч. 8, стр. 312—15.

сенію бѣдности вторыхъ, но и всею своею жизнію и дѣятельностію осуществляя проповѣдуемые принципы, самъ являясь всегда первымъ съ помощію неимущимъ. До какой степени св. отецъ ограничилъ собственныя потребности тѣла, въ свои сбереженія посвящая нуждающимся,—видно изъ слѣдующихъ словъ св. Григорія Назіанзина: „у него былъ одинъ хитонъ, одна верхняя ветхая риза; а сонъ—на голой землѣ; бѣднѣе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе; самую вкусною вечерею и снѣдію служили хлѣбъ и соль, и трезвенное, не оскудѣвающее питіе, какое и не трудившимся приносить источники“¹. А вотъ совершенно согласное съ предъдущимъ свидѣтельство другаго посторонняго человѣка нѣкоего Ираклида объ образѣ жизни св. Василія: „въ разсужденіи нестяжательности онъ назначилъ ту мѣру, что каждый долженъ ограничиваться въ приобрѣтеніи собственности послѣднимъ хитономъ, и представилъ мнѣ доказательства изъ Евангелія—одно изъ словъ Іоанна Крестителя: имѣяй двѣ ризы, да подасть неимущему (Луки 3, 11), другое изъ запрещенія Господня ученикамъ имѣть двѣ ризы (Мѡ. 10, 10), а къ этому присовокупилъ еще: аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ (Мѡ. 13, 46) (п. 145 ср. п. 134 и нѣкр. друг.). Такъ дѣйствительно и поступалъ св. Василій. Исторія сохранила для насъ нѣсколько весьма поучительныхъ фактовъ, ярко и характерно рисующихъ эту сторону его дѣятельности. Первый изъ такихъ фактовъ относится къ 368 году, когда св. Василій былъ еще пресвитеромъ: въ этомъ году Богъ посѣтилъ Кесарію страшнымъ голодомъ, бывшимъ вслѣдствіе чрезвычайно холодной зимы и продолжительной засухи; народъ изнемогалъ подъ бременемъ несчастія, увеличившагося еще оттого, что ни откуда не было подвоза хлѣба, а мѣстные богачи-торговцы, возвышая болѣе и болѣе цѣны на хлѣбъ, безчеловѣчно эксплуатировали общественное бѣдствіе²; уныніе и скорбь, близкая

¹ Надгр. сл. св. Василію, стр. 94—95.

² Ibid., стр. 73.

къ отчаянію, царили повсюду: земледѣльцы, пишеть самъ св. Василій, оплакиваютъ напрасно потерянные труды свои, посмотрятъ на малолѣтнихъ дѣтей своихъ—и начнутъ рыдать, устремять взоръ на женъ—и зальются слезами ¹. И вотъ любвеобильный пастырь, изнеможенный въ это время болѣзнію, глубоко потрясенный разлукой съ своей только что умершей матерію (п. п. 27 и 30), забывая и превозмогая себя, спѣшитъ на помощь бѣдственному положенію своей паствы: отовсюду стекаются къ нему массы народа съ жаждою утѣшенія и подкрѣпленія, и въ отвѣтъ на это общее настроеніе съ церковной кафедръ раздается его знаменитое слово ². Мастерскою рукою художника рисуеть онъ плачевную картину всеобщаго бѣдствія, но, не останавливаясь долго на этомъ, скоро переходитъ къ анализу его нравственной причины, лежащей въ ослабленіи любви къ ближнему, христіанскаго милосердія и сострадательности; тонъ его рѣчи постепенно переходилъ въ обличительный, когда онъ, въ духѣ пр. Іоны, взываетъ къ общему покаянію, —особенно грозны его обличенія, направленные по адресу тѣхъ жестокосердыхъ богачей, которые такъ эгоистически безчеловѣчно пользовались несчастіемъ ближнихъ,—обличенія, которымъ онъ посвящаетъ вторую половину своей бесѣды. Взывая къ чувству любви и милосердія, онъ не ограничивается словами, а собравши всѣ свои послѣдніе достатки (быть можетъ, оставшіеся послѣ смерти матери), отдаетъ ихъ всѣ безъ остатка на пропитаніе голодающимъ ³. Глубокое по мысли, но еще болѣе сильное и обильное горячимъ чувствомъ пастырское слово св. Василія, подкрѣпленное его примѣромъ, тронуло даже черствыя сердца эгоистическихъ богачей, такъ что они открыли свои житницы для пропитанія немущихъ: и вотъ, недавно изнуренный и подавленный голодомъ народъ во главѣ съ своимъ архипастыремъ трогательно празднуетъ свѣтлое торжество христіанской самоотверженной любви надъ жестокимъ своекорыстіемъ эгоизма. По описанію св. Григорія Богослова, св. отецъ собираетъ въ одно мѣсто

¹ Бесѣда св. Василія во время голода и засухи. Твор. ч. IV, стр. 123.

² Мы разумѣемъ только что процитованную бесѣду.

³ Твор. св. Григорія Нисскаго, ч. VIII. Похвальное слово св. Василію Великому; стр. 315.

уязвленныхъ голодомъ, иныхъ едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ и старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утолень голодъ; выставляетъ котлы, полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими припасами питаются у насъ бѣдные, потомъ, подражая служенію самого Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ, или служителей, удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся. Это было, по справедливости, прибавляетъ св. Григорій, чудо, подобное чуду Моисея, напавшаго народъ въ пустынь, или Иліи, разрѣшившаго небо отъ трехъ мѣсячнаго бездождія¹. Если описанное событіе навсегда останется незабвеннымъ памятникомъ благотворительной дѣятельности св. Василія во время пресвитерскаго служенія, то санъ епископскій открылъ ему еще болѣе широкое поприще для дѣлъ христіанскаго милосердія. Горячо отстаивая ту мысль, что раздаяніе имѣнія не должно брать на себя каждому, а слѣдуетъ поручать тому, на кого возложено распоряжаться дѣлами бѣдныхъ (т. е. предстоятелямъ церкви), подтверждая ее ссылкой на образъ жизни первыхъ христіанъ, которые полагали предъ ногами Апостоловъ свои имѣнія (Дѣян. 4, 35) и тѣмъ соображеніемъ, что священникъ имѣетъ больше опытности отличить истинно нуждающагося отъ просящаго по любостыжанію (п. 145), св. Василій между прочимъ доказывалъ справедливость этой мысли и на своемъ собственномъ примѣрѣ. Дѣло общественной благотворительности было всегда самою любимую его мечтою, блестящимъ реальнымъ осуществленіемъ которой явилась его знаменитая богадѣльня близъ Кесаріи. Какъ можно видѣть изъ замѣчаній св. Григорія Богослова, ближайшимъ побужденіемъ къ ея устройству были мѣстные городскіе проказенные, которые прежде лежали безъ всякаго призора, по свойству своей заразной болѣзни лишеныя общенія даже съ ближайшими родственниками². Устроенная св. Васи-

¹ Надр. сл. св. Василію, стр. 73—74.

² Ibid., стр. 97.

ліемъ богадѣльня представляла изъ себя цѣлый рядъ колоссальныхъ, грандіозныхъ зданій, настолько обширныхъ, что издали она казалась новымъ городомъ—предмѣстьемъ Кесаріи¹. Въ такомъ обширномъ пріютѣ находили себѣ убѣжище не только больные города, но и вообще всѣ страждущіе страны, и даже странники, бывавшіе тамъ мимоходомъ; и для всѣхъ поселявшихся тамъ были всевозможныя приспособленія и удобства: тутъ же при богадѣльнѣ жили врачи и прислужники для больныхъ, вьючныя животныя и проводники для странниковъ; тутъ же призрѣваемые учились труду, для чего были устроены разнаго рода мастерскія и ремесленныя заведенія. Но, самое главное, тутъ же былъ устроенъ великолѣпный храмъ и жилища помѣщенія для его предстоятеля и другихъ священно-служителей, а равно и для сановныхъ особъ съ ихъ свитою на случай ихъ посѣщенія (п. 90). Здѣсь, говоритъ Григорій Богословъ, учится любомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе. Самъ великій святитель по временамъ являлся туда и своимъ теплымъ участіемъ любви облегчалъ страданія несчастныхъ; онъ силою любви до того побѣдилъ естественное отвращеніе къ болѣзни, что не только прикасался къ заразнымъ больнымъ, но не гнушался лобызать и обнимать ихъ, какъ братьевъ. Это было многовѣщее и безмолвное увѣщаніе, замѣчаетъ св. Григорій². Вообще по своему благоустройству и обстановкѣ этотъ госпиталь былъ невиданнымъ еще заведеніемъ, которое могло бы сдѣлать честь и современнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Насколько сильное впечатлѣніе производилъ онъ на современниковъ, видно изъ примѣра нѣкоего Ираклида, который, побывавши тамъ и побесѣдовавъ съ св. Василиемъ, до того плѣнился имъ, что ни за что не хотѣлъ разстаться (п. 145). Это было любимое дѣтище св. Василия, обязанное своимъ происхожденіемъ исключительно его заботамъ и если не его собственнымъ матеріальнымъ средствамъ, которыхъ нестяжательный святитель не имѣлъ, то силѣ его пастырскаго слова, по кото-

¹ Ibid., стр. 96.

² Ibid., стр. 96—97

рому, какъ выражается св. Григорій Богословъ, въ сію общую сокровищницу вносились не только избытки богатаго, но и послѣднія достоянія бѣдныхъ ¹; вѣроятно, съ цѣлію возбужденія сочувствія въ обществѣ къ этому учрежденію онъ пригласилъ въ богадѣльню своего краснорѣчиваго друга Григорія, который сказалъ тамъ приличное мѣсту и замѣчательное по содержанию слово о любви къ бѣднымъ ². Напрасно думаетъ историкъ Гиббонъ, что въ дѣлѣ устроенія этой громадной богадѣльни помогали св. Василию императоръ ³: въ такомъ случаѣ ему не пришлось бы оправдываться предъ начальникомъ Каппадокійской области Иліею въ клеветѣ по поводу этихъ построекъ и защищать ихъ юридическое право существованія; въ этомъ оправданіи онъ прямо говоритъ между прочимъ: „великій царь, узнавъ, что у насъ заводится такъ много дѣлъ, кажется, *дозволилъ*, чтобы мы сами собою распоряжались въ церквахъ“ (п. 90). Нѣтъ, честь созданія этого великаго монумента любви христіанской принадлежитъ одному только Кесарійскому пастырю; не даромъ онъ сообщилъ своему произведенію и свое имя, съ которымъ увѣковѣчилъ память о немъ въ потомствѣ: по свидѣтельству Созомена, богадѣльня св. Василия долгое время существовала послѣ него и называлась Василиадою ⁴. Но такъ какъ и этотъ столь обширный пріютъ для бѣдныхъ и больныхъ не могъ вмѣщать всѣхъ несчастныхъ страны, то по его типу въ разныхъ пунктахъ Каппадокійской области было устроено нѣсколько другихъ подобныхъ же, меньшихъ заведеній, непосредственное управленіе которыми св. Василій поручалъ своимъ хорепископамъ, хотя и самъ не оставлялъ своихъ ревностныхъ заботъ о нихъ, то прося гражданскія власти освободить ихъ отъ тяжелыхъ пошлинъ, то обращаясь къ людямъ достатка съ просьбою о вспоможеніи имъ матеріальными средствами (п. п. 137—39).

¹ Ibid., стр. 96.

² Твор. ч. II, стр. 3—39.

³ Цит. см. въ Христ. Чт. 1866 г., I, стр. 296—7. Статья: „Письма въ Василия Великаго“.

⁴ Церк. Ист., кн. VI, гл. 35. Цит. см. въ только что указан. статьѣ Христ. Чт. 66 г., I, стр. 296, примѣч.

Отъ обозрѣнія фактовъ общецерковной благотворительной дѣятельности св. Василия перейдемъ къ разсмотрѣнiю нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ его благотворительности, имѣющей значенiе для отдѣльныхъ личностей. Вотъ онъ ходатайствуетъ предъ правительствомъ за бѣднаго пресвитера Дороея, у котораго безчестные люди расхитили послѣднее имущество (п. п. 82—83); а вотъ онъ усердно проситъ оказать помощь бывшему правителю одного города Максиму, лишившемуся вмѣстѣ съ потерей сына послѣдней опоры въ старости послѣдняго имущественнаго обезпеченiя (п. п. 142—44); вотъ проситъ севастiйскаго градоначальника оказать общественное пособiе для провоза тѣла одного воина, умершаго вдали отъ своей родины, Александрии (п. 298) и т. под. Достоинъ также вниманiя отрывокъ изъ письма св. Василия къ врачу, характеризующiй его доброе, сострадательное сердце: „у всѣхъ васъ, занимающихся врачевнымъ искусствомъ, одно въ виду — челоуѣколюбiе. И, мнѣ кажется, кто вашу науку предпочитаетъ всему занимающему насъ въ этой жизни, тотъ разсуждаетъ согласно съ разумомъ и не уклоняется отъ своего долга, потому что драгоцѣннѣйшее всего благо — жизнь дѣлается ненавистною и мучительною, если невозможно имѣть здоровья, а здоровье подается вашимъ искусствомъ. Но въ тебѣ это знанiе доведено до особеннаго совершенства: ты полагаешь для себя обширнѣйшiе предѣлы челоуѣколюбiя, благотворительность своего искусства не ограничивая только тѣломъ, но заботясь и объ уврачеванiи душевныхъ недуговъ“ (п. 181).

И здѣсь, изъ обзора только что разсмотрѣнной стороны пастырской дѣятельности св. Василия, мы еще разъ убѣждаемся, что это былъ тотъ истинный христіанскiй пастырь, полный самоотверженной любви къ своей паствѣ, образъ котораго начерталъ Божественный учитель пастырства и Пастыреначальникъ въ Евангелiи отъ Іоанна (гл. X).

Идея пастырства нашла для себя въ немъ самое полное, яркое и рельефное выраженiе. Если, по справедливому замѣчанiю Фаррара, св. Аѳанасiй Александрiйскiй былъ „отецъ православiя“, ... Григорiй Нисскiй и Григорiй Назiанзинъ — „богословы“, ... Златоустъ — ораторъ и проповѣдникъ, то Ва-

силій Великій попреимуществу былъ епископомъ ¹, въ смыслѣ общественнаго дѣятеля, пастыря устроителя религіозно-нравственной жизни христіанскаго общества. Дѣйствительно, прежде всего и главнымъ образомъ это былъ человѣкъ, призванный для того, чтобы жить и дѣйствовать въ шумномъ водоворотѣ житейскаго моря, однако не увлекаясь послушно его волнами, а съ кормиломъ въ своей твердой, властной рукѣ, управляя его теченіемъ, сообщая ему истинный путь, освѣщаемый спасительнымъ свѣточемъ евангельскаго ученія. Даже самая его внѣшность, его осанка, высокая фигура, острые глаза и важность манеръ—все это показывало въ немъ, что онъ родился правителемъ, и усвоенный ему эпитетъ „великаго“ обязанъ своимъ происхожденіемъ не столько его научно-литературнымъ трудамъ, сколько тому глубокому впечатлѣнію, которое онъ производилъ своею жизнію и характеромъ ². По свидѣтельству Григорія Богослова, даже чисто внѣшнія качества личности св. Василія и его образа жизни, какъ-то: блѣдность лица, отращеніе волосъ, задумчивость, самоуглубленіе..., видъ одежды, приемы при употребленіи пищи и проч.—сдѣлались предметами подражанія для многихъ, такъ что можно было между его современниками встрѣтить мною Васильевъ по наружности, или изваяній, представляющихъ тѣнь Васильеву ³. Особенно ярко и рѣзко выступаютъ указанные качества св. Василія при сопоставленіи его съ его другомъ Григоріемъ Назіанзинимъ, всегда болѣе склоннымъ къ тишинѣ уединеннаго созерцанія — религіозно-философскаго или поэтическаго, чѣмъ къ тревоженіямъ практической жизни. Напротивъ, вся жизнь св. Василія, какъ мы видѣли,—это одинъ стремительный, неустойчивый и бурный потокъ самой неутомимой, самой кипучей дѣятельности, которая не вмѣщалась даже въ обширныхъ предѣлахъ Каппадокійскаго экзархага, но простиралась на всѣ христіанскія страны не только Востока, но и отдаленнаго Запада и служила связующимъ звеномъ двухъ

¹ Жизнь и труды св. отцовъ и учит. Церкви стр. 452.

² Ibid., стр. 464.

³ Надгробн. сл., стр. 109.

половинъ вселенской Церкви ¹. Невѣроятно даже кажется со стороны, чтобы усиліями одного человѣка, слабого и хилаго физически, могъ быть осуществленъ такой обширный, грандіозный и трудный планъ объединенія и примѣненія многочисленныхъ церквей, который и предпринялъ и такъ блистательно выполнилъ великій Кесарійскій архіепископъ, и это тѣмъ болѣе, что попечительность его о своей церкви за это время не только не ослаблялась, но развивалась во всей своей широтѣ и многосторонности. Уйдя весь, всецѣло въ мысль „быть взѣмъ вся“ и дѣлу пастырства посвятивъ всѣ свои силы, сдѣлавъ его какъ бы родною стихіею, въ которой одной онъ только могъ дышать, и виѣ которой для него и самая жизнь теряла всякую цѣну и значеніе, онъ, естественно, въ жертву ему приносилъ не только всѣ свои личные интересы, но и властно подавлялъ интересы другихъ, разъ они сталкивались съ его пастырскими обязанностями или тормозили ихъ исполненіе. Отсюда легко объясняются и освѣщаются истиннымъ свѣтомъ тѣ мнимые его недостатки, въ которыхъ склонны его упрекнуть нѣкоторые церковные писатели Запада, какъ, напр., Руфинъ, который, сравнивая его съ св. Григоріемъ Назіанзинимъ, говоритъ, что первый былъ смирененъ только предъ Богомъ, а второй также и по отношенію къ людямъ, а особенно блаж. Іеронимъ, который выражается, что св. Василій разрушилъ много даровъ воздержанія и разума единственнымъ зломъ гордости ². То, что они называютъ гордостью, было въ сущности, конечно, вовсе не гордость, всегда себялюбивая, эгоистичная, а полная, самоотверженная преданность св. Василія своему пастырскому служенію, сознание высоты и святости котораго побуждало его все частное, не относящееся къ нему игнорировать, а несогласное съ нимъ—всячески заглушать и подавлять.

В. Георгіевскій.

¹ Когда умеръ св. Василій, говоритъ св. Григ. Богословъ надгробію своему другу, то всякій городъ Каппадокіянъ возрыдалъ; скажу еще большѣ тогда и великій міръ воззвалъ... не стало того, кто былъ узломъ, скрѣпляющимъ прекрасный міръ! Твор. ч. V. стр. 316.

² Цит. см. у Фаррара; указ. соч., стр. 198.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**